

ИГОРЬ МОРОЗ

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

КЛИЧ СТАЯ

Боевая фантастика (АСТ)

Игорь Мороз

Клич стаи

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мороз И. С.

Клич стаи / И. С. Мороз — «АСТ», 2017 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-101708-8

Если ты думаешь только о пайке, спина не заживает от ударов энергетического хлыста, а голова раскалывается от диких болей – самое время впасть в уныние. Тебе не повезло родиться на планете Осирис! Ты – часть технологической цепочки. Ты – потомок поверженного народа, не сумевшего отстоять свою свободу. Отныне за каждый день процветания победителя ты должен жертвовать частью себя. Ежедневно, из поколения в поколение, рожденный в стойле должен платить дань своей плотью – веществом, способным оживить стальные механизмы, поднять в небо космические армады, вдохнуть жизнь в каменные громады мегаполисов. Можно лишиться свободы, можно лишиться дома, но нельзя истребить легенду о Вещем. Предание о человеке, несущем огонь справедливости. От него вспыхнут сердца миллионов рабов. И запылает Осирис в очищающем пламени! И падут вековые оковы! И великий народ восстанет из пепла... Эта история о трех юнцах, в которой каждый идет своей дорогой. Рожденный с рабским имплантатом – рвется к свободе. Потомок победителей – жаждет власти. А третьему некуда деваться – он ищет дорогу домой, но еще не знает, что его судьба уже predetermined...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-101708-8

© Мороз И. С., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Игорь Мороз

Клич стаи

Глава 1

– Запомни, бей только в голову. Со всей силы и наотмашь. Доспехи и мышцы квадра тебе не пробить, а вот в голову самое то. Не сразу, но после второго или третьего попадания кнута мозги поплывут... Главное, не зевай, не пропускай ударов, иначе всё, пропадем!

Голос друга горячо шептал слова последнего наставления, а внутри Деми сжималась пружина. Тело лихорадило от волнения, а по спине текли ручьи пота.

В перчатках хлюпало, а под панцирем из коры желдерева все нестерпимо зудело. Но все неудобства забывались, когда она косилась по сторонам. Рядом, в начале дороги, уходившей плавно в гору, стояли котловые пары из других ясель. И в отличие от их странной парочки, все были как на подбор: рослые, плечистые и злые, как стая ворков.

Бросая на странную парочку озадаченные взгляды, соседи глухо переговаривались. Недоумение в шепоте и насторожённости в движениях, общая нервозность выражалась в лишней проверке лямок и упряжи массивных телег.

Никто не любит сюрпризов. Тем более перед самым стартом. А здесь явная несурезица. Ведь получается, что ясли Синего сектора выставили слабого второго котлового. Все знают, что аудики не предназначены для боя. Их худосочные тела, тонкие черты лица и самый явный признак – длинные заостренные уши, ну никак не способствуют выживанию в кровавой схватке.

Да, они прекрасно слышат, да, они врожденные интуиты и обладают еще множеством скрытых талантов, но ведь в свалке, где сходятся сила и ярость, где важна реакция и выносливость, аудику не выжить!

Да только факт стоял рядом с ними. Стройная фигура с аппетитными формами возвышалась на месте возникшего, выделяясь ярко-желтым цветом высохшего сока желдерева. Толстый слой высохшей массы, кроме защиты тела от скользящих ударов, выгодно подчеркивал женские выпуклости, заставляя особо несдержанных особей нервно облизывать губы.

Но все мечтания исчезали, когда взгляды натыкались на блуждающий взгляд стоящего внизу великана.

Громила с абсолютно лысым черепом, увитым многочисленными шрамами, со следами грубой штопки, возвышался возле телеги двухметровым утесом. И в отличие от своей напарницы, этот четырёхрукий великан был спокоен, по-деловому собран, и лишь стоило ему встретиться взглядом с кем-то из соседей, как те отводили глаза.

Юргана знали уже давно. Его тележка почти всегда приходила к котлу в числе первых, и он был известен как один из самых удачливых кормчих. Пока его напарнику не раскрыли череп у котла...

В тот день «погонщики» решили, что биомасса слишком легко достается детенышам, и уменьшили количество почти вдвое. И когда первые команды поднялись на вершину и спешно наполняли бочки тележки, скребя ведрами о дно массивного котла, опоздавшим парам стало понятно, что ближайшие три дня они будут голодать. И тогда развернулось побоище, все против всех.

Погонщики не вмешивались, а только радовались такому бурному оживлению серых будней. Но когда один за другим стали раскалываться черепа дерущихся насмерть детенышей, им пришлось вмешаться.

Стремительные тени стальных рипперов пронесли над горевшей вокруг котла схваткой. Зависнув над побоищем и пытаясь остановить кровавую бойню, обозленные погонщики щедро раздавали обжигающие хлопки энергокнутов...

В тот день биомассу по яслям развозили сами погонщики, потому что на ногах остался всего лишь один котловой, и тот ничего не видел из-за рассеченного кнутом лица.

Но явившиеся в ясли высокомерные дознаватели, брезгливо морща носы от стойкого запаха из пластиковых контейнеров, стараясь не испачкать тоги при разговоре с упавшими ниц старшими матерями, узнали о забавах верных слуг Смотрящего... и ввели небольшое уточнение в организации питания для детей базового социального статуса.

С той поры котел был пуст только на две десятых доли. И теперь всем хватало питательной биомассы, но только опоздавшим доставалось меньше. А совсем последней паре едва хватало, чтобы наполнить собственную бочку на треть. А это означало сутки впроголодь для всех детей и матерей. Но кроме голода, еще будут разборки внутри ясель, от которых на следующий день котловой будет готов землю грызть, лишь бы набрать свою бочку доверху...

– Всё. Скоро начнется, помни, что я говорил. Спокойно и собранно, – уверенный голос Юргана прозвучал, как ледяной ручей для изнывающего от жары тела.

Взглянув на спокойные движения друга, Деми стало легче дышать. Вот кто не нервничал. Вот кто всегда был спокоен. В отличие от остальных, Юрган уже не проверял телегу. Он вел себя, как сытый ворк. Уверенно и умиротворенно.

Надев сбрую и поправляя хомуты на четырех руках, Юрган попробовал свободный ход. Убедившись, что ничего не будет мешать при беге, парень подмигнул Деми и водрузил на голову сплетенный из лозы шлем с узкими смотровыми щелями. И стал неотличим от стоявших вокруг кадров. Хотя кого-кого, а своего Юргана она узнает из сотен парней, даже если они будут стоять к ней спиной – по дыханию, по сердцебиению, по шуму крови в венах.

В отличие от своего друга квадра, что отличались от других людей рельефами выпирающих мышц и немалым ростом, она смотрелась колоском, травинкой, гнущейся под дуновением ветра.

Рожденная с генной модификацией «аудик», она уступала мощным «квадрам» в силе, «минималам» в ловкости, но она обладала гибкостью и феноменально чутким слухом, что давался от рождения вместе с гривой огненных волос и белыми кисточками торчащих ушей.

А еще, как любил повторять Юрган, у нее был дух настоящего бойца. Но именно сейчас Деми уже сомневалась, что он есть.

Ей было страшно до икоты.

И чем дальше тянулись секунды ожидания старта, тем больший в душе закипал раздрай, а тело содрогалось крупной дрожью. Казалось, будто все, чему они учились, чему тренировались, куда-то делось, и она ничего не запомнила, и не вспомнит!

Зачем согласилась на это самоубийство?! Надо было послушать матерей и не лезть в эту мясорубку. А сидеть в яслях и покорно ждать, смириться со своей участью красивой, но слабой девчонки. Потерпела бы пару часиков ночами, зато была бы жива, а сейчас?!

Сейчас ее красоту никто не будет замечать. Здесь, если зазеваешься, то можешь остаться калекой на всю жизнь, а там будет только самая низшая каста, и вся жизнь впроголодь, от пункции к пункции...

– А ну прекратила... – гремя пластиковой сбруей, Юрган подошел к телеге и поднял на нее зарешеченное черной маской лицо, – ты все помнишь и все сумеешь. Что нужно делать, когда телега столкнется с соседом справа?

– Уклон, нырок под взмах чужого хлыста, перехват рукой кнута и хлесткий взмах вправо, – озвучив вбитые тренировкой рефлексy, Деми, шумно выдохнув, поправила рукой

витый из прутьев шлем. – Слушаю ветер взмахов и уклоняюсь от ударов. Ответ только в голову.

– Молодец. И не забывай оглядываться. Всё, приготовься. Сейчас начнется...

Оглянувшись на голос друга, Деми задрала голову на стену слева.

Их шеренга стояла на самом дне каменного канала, а вокруг возвышались гранитные стены с террасами, где уже появились первые фигуры погонщиков. Оглашая окрестности громким смехом и словами, которые долетали бессмысленными обрывками, облаченные в металл и однообразные тоги, верные слуги Смотрящего рассматривали детей с пренебрежением и ожиданием хоть какого-то развлечения в глухомани.

Оглядывая пары долгими взглядами, погонщики вяло делали ставки на тех, кто придет к финишу первым. Но когда один за другим каждый запнулся взглядом за выбивающуюся из общей массы парочку, татуированные хари азартно загомонили.

Проснувшийся интерес, и перепалка затянула старт еще на несколько минут, и пока погонщики спорили друг с другом, Деми еще раз постаралась прогнать в голове план действий...

Трехдневная процедура получения питательной биомассы на ясли проводились только на этом холме. На каменной лысине чудовища, что уснуло под землей, а над джунглями возвышалось бурными завалами каменной крошки со стальным тотемом Смотрящего Ворона. Именно он кормил десяток ясель, ютившихся в джунглях второго материка, четвертого сектора, квадрата 4625, и проводил процедуры очищения для взрослого населения сектора.

Межсекторный пустырь вмещал в себя десятки серых кабин, в которые постоянно входили и выходили женщины, а в центре высилась громада тотема Смотрящего, под которым в котле пузырилась розовая биомасса. Вот ее и надо было набирать ведрами в бочку на колесах, имевшую на боку номер их резервации.

И сейчас, ровно в полдень, на кромке дороги с желтым песком и галькой стояли напряженные десять пар подростков, запряженных в телеги. Им предстояло добраться до чадившего паром огромного котла, вплавленного в вершину мощью Смотрящего, и, наполнив начищенные до блеска бочки, спуститься с вершины по параллельной дороге на обратную сторону холма.

Всё просто.

И всё сложно.

Поводнее перехватив ручку выструганной лианы, обвившей руку сплетением и хитрым узлом, Деми нервно облизнула губы и незаметно покосилась на соседей.

Справа были два квадрата. Глухо переговариваясь между собой, четырехрукие великаны косились в их сторону и пытались понять задумку. В таком же положении были и соседи слева.

Минимал Лис, с вороватыми глазами и суетливыми движениями, и его напарник, известный своей жестокостью квадрат Краб. Вот его-то ей и предстоит опасаться больше всего. Заткнутые за пояс четыре палицы оживали в его руках настоящими воплощениями смерти. Даже касание вскользь превратится для нее в тяжелые переломы, а если получит прямой удар – не спасет даже два сантиметра студня. Хотя Жаба клялась и убеждала, что затвердевший сок желдеревя пружинит удар, ей все равно было не по себе.

Тем более если будет бить Краб. А судя по налившимся кровью глазам и многообещающим взглядам, этот будет бить точно, жестоко и наповал.

Ведь пока Юрган валялся в контейнере под присмотром старой матери Ушастой, что выхаживала кормильца ясель, Краб чувствовал себя королем и всю лил кровь у котла. Даже когда в этом особой нужды не было, все равно не упускал случая свернуть нос уже поверженному противнику. И сейчас вон как дергается, готов, не дожидаясь стартовой вспышки на тотеме, броситься врукопашную, да только висевшие на крестообразных тушах рипперов

погонщики зорко следили за соблюдением основного правила: все драки только у котла, а до котла могут действовать только наездники.

Яркая вспышка, а за ней оглушительный рев упал с вершины холма.

Взбесившаяся тележка едва не сбросила ее с козлов и наградила ударом о стенку бочки. Если бы не доспехи и шлем, Деми бы свалилась от сотрясения и ушибов, но сейчас только клацнула зубами и, вцепившись в поручень, спешно привязывала ноги к деревянным козлам. Размоченные в белесую мочалку лианы плохо слушались и пытались выскользнуть из рук, но Деми не сдавалась, и вскоре голенища приросли ко дну. Резко поднявшись и взмахнув руками, она выпустила скрученные жгуты. Ослабшие узлы расплелись с тихим шелестом, и в кисти рук легли тщательно выструганные рукоятки полутораметровых хлыстов из молодых лиан.

– Не спи!

Окрик заставил Деми задергаться и пропустить удар слева. Бок и руку обожгло вспышкой боли, и она едва не расплакалась от обиды. Надо же было дуре замешкаться! А выродок Лис сразу же воспользовался моментом.

Уклоняясь от очередного взмаха кнута, Деми выгнулась под неестественным углом. И догоняя движением просвистевший в опасной близости кнут, Деми хлестнула левой рукой.

А когда противник уклонялся влево, Деми, едва не выворачивая руку из плечевого сустава, вложила в правый хлесткий удар всю обиду. И зеленая молния впилась в желтую спину соседа почти на треть длины.

А затем еще и еще, щелчок, и хлесткий хлопок левым кнутом.

И когда Краб, заслышав вскрики наездника, дернул тележку вправо, панцирь Лиса был почти разорван в клочья. Доспехи защищали от удара, но застывший мутной вязкостью кисель не был прочным, и сопротивляться шипованному кнуту, да еще и трем ударам в одно и то же место, не мог.

Но Деми не расслаблялась. Пока она отвлекалась на левый фланг, пара квадров без наездника теснила Юргана. Стараясь вырваться вперед, соперники норовили подставить под мелькавшие и ничем не защищенные ноги массивные колеса телеги, а когда тот притормаживал и пытался обойти их справа, телега резко виляла в сторону и грозила ободрать и подмять под себя бегущего во весь опор человека.

– Я готова! Слева!

Юрган словно ждал команды. Резко ускоряясь и вздымая пыль, они стали медленно обгонять соперников по большой дуге. И когда скорость сравнялась, он резко бросил телегу вправо.

Не ожидавшие такой наглости квадры приняли единственно правильное решение, продиктованное всем богатым опытом забегов. Их было двое. Пусть соперник и превосходил в весе каждого по отдельности, но их суммарная масса и импульс были больше, а это однозначно преимущество.

Но, положившись на силу, они упустили Деми. Вкладывая в удары всю свою небольшую массу.

Деми еще умудрялась добавлять хлесткости за счет своей гибкости. Ее связки гудели от напряжения, мышцы горели от нагрузки, но она вкладывала в удары по скрытым шлемами головам каждый грамм своего тела.

Понимая, что сплетенные и пропитанные желтым студнем шлемы не выдержат и рассыплются лохмотьями, квадры пытались сбить Юргана с ног. Теснили того ударами плечей, но в то же время и хлесткие удары по телеге должны были сбросить наездника.

Но привязанная Деми чувствовала равновесие и пользовалась малейшей возможностью вернуть пойманный телом импульс, изворачивалась змеей и терзала шлемы разъяренными щелчками. Под очередным ударом размочаленный шлем с лохмотьями студня вдруг

разошелся, и показалась стриженная наголо кожа черепа, в который пришелся хлесткий удар шипованного кнута.

И после третьей и четвертой зеленой молнии, разбрызгивавшей вокруг брызги крови, ноги крайнего квадрата стали подгибаться, а движения стали терять четкость. И спустя мгновение соперники отстали, а Деми смогла вдохнуть полной грудью.

Тело горело, пот разъедал глаза, руки будто вылеплены из глины и тряслись, словно от лихорадки, но все эти неудобства не могли скрыть в ней ликования. Она смогла! Она выдержала и справилась на самом тяжелом этапе, на старте троек! Это наполняло ее такой силой и ликованием, что встреча с остальными соперниками уже не пугала ее. В душе горел огонь уверенности, что они, победив сейчас – победят всех, и у котла будут первыми.

А это значит еще и другое. Это будет конец ее мучениям. Ее план и давнее обещание самой себе выбиться из самых бесправных низов яслей стал воплощаться. Скоро она будет той, чье мнение будут учитывать даже старшие матери, она станет одной из кормчих. Теперь не будет равнодушных взглядов на всхлипывающую и прикрывающую наготу девочку, которую бросили после ночных забав старшие мальчишки. Теперь не будет ехидных шуточек сверстниц. Теперь все будет по-другому.

А всего лишь нужно было переступить черту. Задушить страх и ответить самой себе на простой вопрос. Кто ты? Тупая и безвольная скотина, с которой каждый будет делать, что ему придет в голову? Или ты стоишь больше, чем миска биомассы? Готова ли ты за себя бороться до конца, готова ли ты победить даже ценой собственной жизни? Один раз она ответила: да!

И сейчас, когда кровь бурлила от адреналина предстоящей схватки, Деми возбужденно закричала:

– Да! Теперь всегда ДА!

Глава 2

– Так не честно! Мы же так не договаривались!

Звонкий голос перекрыл гам джунглей высокой нотой и забился в листве деревьев затухающим эхом. Галдеж птиц на миг замолк, стал слышен шелест листвы, но, не усмотрев опасности в игре детей, птицы вновь взорвались гомоном и суетой.

– Ты обманщик!

Прятавшийся в листве «обманщик» следил за бродившей внизу подружкой и старался не дышать. Эту историю об обманщике, предателе и нечестной игре он уже слышал много раз. Сколько они ни играют, Деми всегда обвиняла его в мухлеже, но сама никогда не признавалась в использовании особенностей организма.

В отличие от Юргана, которому, при всем желании, не использовать четыре руки было просто невозможно, уличить Деми в нечестной игре было сложнее.

Все её жаркие обещания слушать только вполсилы и не использовать слух во всю чуткость всегда заканчивались вот такими уловками. Наорать побольше обидностей, а когда Юрган не выдержит да ответит на несправедливое обвинение, Деми сразу же бросится к большому сухому дереву и застучит по нему ладошкой с криком: «Найден и пойман!»

Но сегодня проигрывать он не собирался.

И в этот раз Юрган прятался в кроне дерева, вжимался в ствол и старался слиться с ним в единое целое, чтобы, не дай Вещий, лишним движением не выдать себя. Иначе все жертвы в исцарапанных ладонях и порванном комбесе будут напрасными. А к проигрышу добавятся еще и затрещины старшей матери, а если еще узнают, что они играли за «чертой»: тут уже ушибами не отделаться, могут и бросить в яму к змеям.

Передернувшись от ощущений склизких тел, что выползали по ночам из стен глубокой ямы и старались полакомиться нарушителем Правил, Юрган едва не сорвался с дерева. Но вовремя подавив приступ тошноты и брезгливости, перехватил ствол покрепче, да сцепив нижнюю пару рук посильнее, настроженно посмотрел вниз.

Огненная грива Деми показывалась то в одной гуще зелени, то в другой. Бредя в стелящихся по земле кустарниках, слеповато шурясь от бликов солнца, «аудик» всюшевелила массивными ушами. Распознавая тысячи шорохов, моментально разворачиваясь на малейший странный звук, девчонка однозначно мухлевала без зазрения совести. Но сегодня это ей мало поможет.

Задумываясь, как убить свободное время перед учебной вахтой на тренажерах промзоны, Юрган увел подружку с истоженных вдоль и поперек тропинок. Догадавшись о секрете «аудика», знающей едва ли не каждый звук, издаваемой травинкой в окрестностях ясель, в этот раз он ушел далеко за пределы изведанных территорий.

И вместо того чтобы прятаться в корнях могучих деревьев, товарищ по нехитрой игре забрался на дерево и ждал, когда Деми уйдет подальше. И как только та завязнет в кустарнике, Юрган сорвется в стремительный прыжок, а дальше по лианам он доберется до сухого дерева быстрее, чем запыхавшаяся подружка. А сколько будет крику, Юрган аж зажмурился в предвкушении истерики.

Деми очень не любила проигрывать и поэтому всегда спорила и обвиняла всех в нечестной игре, но при этом никогда не признавалась, что сама использует свои особенности. Поэтому «аудики» и не любили в яслях, а за сварливый характер Деми не любили даже видовые братья и сестры.

Но Юргану, наоборот, нравилась эта наглость. Было в ней что-то такое бунтарское, запретное, притягательное. Ведь именно эта черта притягивала к Деми все неприятности. Особенно любили над ней поглумиться те, кому давали по зубам более сильные сверстники,

а в ее непокорности и пылающих яростью синеве глаз слабаки находили отдушину. Но аудик не сдавалась и огребала все неприятности по полной программе, пока...

Пока она не явилась к нему после очередного «развлекалова» и, утирая сопли и кровь, попросилась в кормчие. Он едва не подавился подсохшей биомассой, которую вяло жевал, лежа на солнышке. Но, наткнувшись на взгляд готовой взорваться девчонки, только хмыкнул. И попробовал было дать оплеуху, чтобы мизер знала свое место. Но вместо звонкой затрещины его ладонь догнала только шелест огненной гривы. Аудик увернулась в немыслимом изгибе, и в лицо ему летел неумело сжатый кулачок, а после перехвата вновь звучало требование. И так почти каждый день на протяжении недели...

– Ой, ой, ой! Моя нога! Я сломала ногу! Помоги!

Скосив взгляд на присевшую под его деревом девчонку, что, активно шевеля большими ушами, вслушивалась в пространство, а сама баюкала ногу и голосила во весь голос, Юрган только злорадно усмехнулся такой изобретательности.

Нет, ну надо же так хотеть выиграть, что за последние два часа показала весь арсенал своих уловок. Ищи, ищи. Я тоже искал, когда ты, вместо того что бы сидеть на одном мессе, бродила за мной по пятам тенью.

– Ну и ладно! – Резко поднявшись, аудик возмущенно отряхнула грязно-желтый комбинезон. Размашисто вытирая быстровысыхающие слезы по чумазому лицу, надутно произнесла: – Прячься сколько хочешь, я больше не играю! Мне пора на вахту. Ты идешь со мной?

Высмотрев сквозь листву положение солнца, Юрган нахмурился. До вахты еще оставалось четыре часа, но им бы уже лучше появиться перед выцветшими глазами старшей матери. Хоть у него сейчас и были последние дни вседозволенности, лучше не злить хмурых женщин.

В первые дни каждого лета лица матерей всегда были темнее туч. А по ночам, после приезда погонщиков, Посвящения и того, как уводили старших детей, в пластиковых контейнерах домов слышался многоголосый жалобный скулеж, наполненный такой тоской, что сердце Юргана готово было разорваться. Ему хотелось подойти и успокоить, обнять, прижаться и как-то утешить воющих женщин. Даже Страшную Жабу, что всегда цеплялась к нему за «успехи» при раздаче биомассы. И Юрган всегда получал подзатыльник, когда расплескивал несколько порций из наполненной до верхов бочки. Но лучше подзатыльник старшей матери, чем учеба от смеющихся погонщиков.

Сегментированный хлыст с пульсирующими каналами раскаленной энергии был очень хорошим учителем, и даже если память у тебя могла отказать, то от звука разгонявшегося хлыста тело реагировало самостоятельно.

Главное, упасть и успеть обхватить голову руками. Тело заживет, а вот голова потом будет раскалываться и готова лопнуть, как перезревшая ягода. А вечером еще накостыляют свои за то, что оставил всех без еды. Ведь основное правило котла заключалось в том, что биомассы на всех не хватало. И проигравший не получал ничего, а вместе с ним и вся резервация оставалась без еды на весь следующий день. Но такое, хвала Вещему, у Юргана было только раз. Один раз, который научил его правилу: «Котел не прощает слабостей...».

Разжимая нижнюю пару рук, Юрган едва не выпустил из вспотевших ладоней заранее припасенную лиану. И как только ветер прекратил реветь в ушах, он перехватил новый ворсистый канат.

Оглашая окрестности криком, мальчишка летел к поляне, на которой высилось сгоревшее от удара молнии дерево, исполнявшее в игре нехитрую роль тотема наказания. Главное, добраться быстрее Деми, которая бежала где-то внизу, крича обидные гадости.

Оглядываясь в поисках девчонки, Юрган зацепился взглядом за пятно, выделяющееся на зеленом фоне бурой кляксой.

То, что успел захватить глаз, настолько отличалось от виденного за двенадцать лет жизни, что Юрган едва не вывернул шею в попытке получше рассмотреть диковину, вдруг пропустил захват и, хватая пустоту, с треском ввалился в кустарник.

– Пойман и наказан! Пойман и наказан!

Голос Деми доносился сквозь темноту и гул. Встряхнув звенящей головой, Юрган ощутил себя. Кости целы и ладно. Выбираясь из бурелома, уперся лицом в победную улыбку и сияющие синевой глаза Деми. Едва не выпрыгивая из балахона комбеза, висевшего на стройной девчонке мешком, та не могла нарадоваться победе.

– Как я тебя обогнала, а?! Эх ты, руки-крюки... тоже мне котловой. Даже беременный ворк двигается живее!

– Отстань, глухань слепая. Да если бы я не свалился, то фиг бы меня нашла! Просто я увидел в лесу коечто очень похожее на древние времена... Вот и сорвался!

– Ой, да хватит врать-то! Вроде уже вырос, а все сочиняешь... Поменьше слушай материнского шепота на ночь!

– Вот и не придумываю. Там точно было... Вот пойдем, посмотрим. Тут недалеко.

Задумавшись над походом в новое неизвестное место, Деми напряженно закусил губу. Но глядя в смеющиеся глаза друга, набычилась и упрямо произнесла:

– Да легко! Но если там опять окажется какая-то коряга, как в прошлый раз, ты отдаешь свой ужин!

– И куда в тебя столько помещается? Все только лопаешь да лопаешь.

Усмехнувшись заблестевшему в глазах девчонке азарту, Юрган пошел вперед.

Раздвигая кусты и продираясь сквозь бурелом, что пытался вцепиться в тело всеми сучьями, он раздумывал над перспективой остаться без еды. Если он придет за добавкой, Жаба конечно же даст еды, но скорее всего, кто-то из малявок останется без своей порции. А есть и смотреть в голодные глаза лишнего порции карапуза Юргану никогда не нравилось.

– Порцию не отдам, – охладил мечтания подруги Юрган, поясняя: – Спорю только на половину.

– Идет!

Обрадованная Деми уже поела «свою» порцию. Пробираясь за спиной друга, тараторила без остановки, рассказывая обо всех нехитрых сплетнях яслей. Кто с кем подрался, кто у кого отобрал порцию, и за что и кого отметелили на днях. Кому какая учебная вахта досталась и кто сколько баллов заработал на конвейерных тренажерах.

Но уткнувшись в спину застывшего в напряжении квадрика, Деми захлебнулась на полуслове и только сейчас заметила, что они выбрались на относительно чистую поляну, на которой даже птицы старались не галдеть.

Настороженно вслушиваясь в шум джунглей и оглядывая деревья, Деми выглянула из-за спины квадрика и ошарашенно уставилась на странную картину: Среди заросшего вьюном леса высилось что-то большое, черное и чужеродное. Сквозь листья и жгуты растений проглядывали части черного камня.

А когда Юрган подошел ближе и начал настороженно обдирать росшие не один год иссушенные веревки лиан, перед глазами представала удивительно гладкая поверхность.

Такой гладкости не было даже у новых пластиковых контейнеров, что сбрасывались погонщиками в ясли.

Руки буквально соскальзывали с блестящего неестественной чернотой материала. Но вот пальцы нащупали странный наплыв. Выбоина, воронка, еще и еще одна. Некоторые части камня были словно выклеваны огромными птицами, что раскаленными клювами клевали податливый как воск камень, а потом бросили это занятие и оставили булыжник в полурасклеванном состоянии посреди джунглей.

Спустя час упорной работы и пыhtений они очистили от зарослей странную каменную глыбу, а когда отошли назад, то потрясенно замерли.

– Что это, Юрган?

– Я не знаю. Похоже, минимал, но в какой-то странной робе...

Рассматривая покореженную, но сохранившую единый облик фигуру человека, дети заворуженно молчали. Вылитый из черноты, гордо попиравший валун человек всматривался в дальние дали, всем своим видом внушал непоколебимость и уверенность в себе.

В голове ошарашенного Юргана, никогда в жизни не видавшего подобного, мельтешили догадки. Кто он? Откуда он здесь появился? Мысли рождались и бестолково толкались, так и не оставив никакого объяснения, только голова разболелась и кроме обрывков из материнского шепота ничего в голову не приходило. Первое потрясение прошло, и мальчишка стал рассуждать пошагово, но как бы ни начинал строить догадки, спотыкался на самом очевидном.

Ни в одной ночной страшилке не говорилось про минималов таких размеров. Они были максимум на голову выше его, но Юрган еще будет расти, и при всем желании он не сможет вымахать до четырех метров высоты.

А высившийся посреди засохших лиан и прелых листьев великан стоял в гордой позе и, держа под рукой странную голову, по-хозяйски осматривал джунгли.

– Я боюсь, Юрган, давай уйдем отсюда!

Едва сдерживая нотки паники, готовой превратиться в слезы, Деми вцепилась в руку Юргана и старалась прикрыться товарищем от великана, от горделивой позы которого веяло мощью и запретным могуществом.

– Юрган, это Проклятый! Давай уйдем отсюда, это все плохо кончится!

– Да тихо ты, – осадив панику, Юрган отцепил скрюченные пальцы и подошел к основанию великана, – посмотрим одним глазком и уйдем...

Проводя пальцами по глубоким бороздам и, вглядываясь в символы, сливавшиеся в ровные строчки, Юрган пытался вспомнить уроки Жабы. На длинных и нудных занятиях она заставляла детишек учить странные символы, которые могли складываться в звуки. А сейчас он явно видел, что тут имелся какой-то смысл, но любивший поспать квадратик и половины не смог вспомнить.

Пока он обследовал великана, ощупывая каждую трещину и странные воронки на каменном истукане, Юрган наполнялся трепетом, пониманием того, что они нашли настоящее доказательство Проклятых времен. И то, что матери рассказывают детям на ночь, не выдумки. Раньше действительно люди жили по-другому. Ведь если они могли создать такое чудо, то вряд ли они думали только о еде, жили впроголодь и ютились в пластиковых контейнерах.

В голове роились тысячи мыслей и обрывков воспоминаний шепота, которые Юрган так любил слушать. Ведь в рассказах матерей не было Смотрящих, не было погонщиков и не было ежедневной драки до крови у котла. Не было изнурительных тренажеров конвейерных линий, куда каждый год отправлялись новые и новые старшие яслей, чтобы никогда не вернуться...

– Кораш Волданский, основатель колонии Осириса...

От неожиданно прозвучавшего голоса квадрат едва не запрыгнул на двухметровый постамент. Даже не оглядываясь на куст, откуда прозвучал трескучий голос, Юрган сорвался в стремительный бег. Попутно схватив Деми в охапку, бросился вглубь джунглей диким зверем. Прикрывая одной парой рук лицо от бьющих наотмашь веток кустарников, второй удерживая притихшую девчонку, он бежал сквозь джунгли без оглядки, пока не запекло в груди и не закололо в боку. И после этого, преодолевая боль и разрывающиеся легкие, он еще пробежал минут пять и только тогда с разбегу упал в заросли мха.

Едва проталкивая сквозь горевшее огнем горло хриплые звуки, отвесил аудику затрепщину с вопросом:

– Погоня... Погоня есть?

Потирая затылок, Деми надуту покачала головой.

– Точно?! Или так же проспишь...

– Юрган я не понимаю, откуда оно взялось! Там было тихо, как в могиле. И вдруг голос, я чуть не обделалась...

– Жаль, что не обделалась, – укоризненно произнес Юрган, успокаивая выпрыгивающее из груди сердце. – А если бы это были чужаки из других яслей? А если это погонщики? Ты же не забыла, что бывает за брожение за границами яслей? Как ты могла так проспать...

– Да не погонщики это и не чужаки. Когда человек ходит по лесу, то такой треск стоит, что хоть уши забивай землей. Да и кнуты погонщиков гудят так, что я бы и за километр услышала...

– Да я, да услышала бы... – передразнил Юрган, обессилено развалившись на зеленом ковре, перевернулся на спину, широко раскинув руки. – Тогда кто с нами говорил?!

С одной стороны, ему было страшно, а с другой, после того как ушла из тела ватная волна страха, стало любопытно. А вдруг это живой представитель древних времен? А вдруг там тайна, которая внесет разнообразие в монотонность будней. А вдруг там что-то способное изменить все вокруг одним волшебным мгновением. Сказки?

Но ведь кто-то смог обмануть «аудика»! Ведь подкрасться к Деми не мог даже самый ловкий минимал. Если это не погонщики, которые бы уже с удовольствием носились по джунглям на стальных рипперах, а вдоволь навеселившись забавой, задрали бы беглецов кнутами до кровавого месива на спине. Тогда кто?

Снедаемый любопытством Юрган резко поднялся и зашагал по им же протоптанной просеке. А спустя некоторое время рядом пристыженно сопела аудика и, бросая на товарища косые взгляды, напряженно вслушивалась в приближающуюся лесную проплешину. Чем ближе они подходили к злополучной поляне, тем дольше замирала девушка. Настороженно шевеля длинными ушами, торчащими из огненной гривы белыми кисточками, аудика вслушивалась в звуки джунглей.

– Опять ничего не слышу, – спустя минуту напряженного молчания на краю поляны Деми посмотрела на прижавшегося к земле товарища взглядом побитой собаки, – там нет ничего кроме леса...

Но Юрган уже не доверял подруге. Таинственный незнакомец раз обвел вокруг пальца, так что второй раз обмануть незадачливого «аудика» не составит большого труда. Поэтому Юрган полагался исключительно на себя. И напряженно вглядываясь в заросли кустарника, с удивлением уткнулся во взгляд.

Сквозь листву кустарника его рассматривали выцветшие глаза с такой же долей удивления на глазах.

– Ты смотри, вернулся... – вновь прозвучал трескучий голос. – Не побоялся все-таки. Странно. Обычно ваша порода убегает с криками, чтобы никогда не вернуться. А ты, значит, смелый, не трусишь?

– Было бы чего! – дерзко проговорил Юрган, задвинув аудику за спину.

Разговор уже состоялся, незнакомец не проявлял враждебности, поэтому и убегать смысла не было. В руки выскочили удобные рукоятки, и чувство тяжести в ладонях от палиц добавило в голос уверенности.

– Мы, в отличие от некоторых, по кустам не шкеримся.

– Овечка показывает зубки... – голос зашелся смехом, перешедшим в кашель.

Кустарник вдруг бесшумно разошелся, и сквозь мохнатые ветки орешника проступила сгорбленная фигура. А когда она распрямилась, то Юрган увидел лицо, испещренное тыся-

чами морщин в обрамлении сотен мелких косичек из седых волос. Тихо заскулившая Деми вцепилась в спину клещом, а квадрик забыл, как дышать. Перед ними стояла живая страшилка, имевшая много имен.

– Ведьма... – едва смог выдавить Юрган, чувствуя, как в груди тревожно забилося сердце, – наследница Проклятых и предвестница беды.

Юрган мог перечислять еще много титулов стоявшей перед ним старухи, но наткнувшись на горевший нетерпением взгляд больших выцветших от старости глаз, запнулся на полуслове. Кого-кого, а вот ее злить стоит в последнюю очередь, а желательнее броситься сейчас глубоко в лес и наплевать, что будет дальше. Лишь бы не смотреть в эти глазища, когда она начнет говорить слова, от которых тело будет корезить, как листок на огне свечи, лишь бы не слышать звуков, взрывающих сознание разрушающим смыслом. Прочь!

Но в глазах ведьмы он уже видел ответ: никуда они не денутся. С момента их встречи судьбы всех троих сплелись узлом, развязаться который мог только в двух случаях: или все идет, как должно быть, или смерть кого-то из троих ослабит узелок, и он распадется сам собой.

– Ну что же ты, смельчак, примолк...

Мозолистая и сухая ладонь впиалась в нижнюю руку неожиданно мощным захватом. Несколько невесомых касаний по руке, груди, и возвышающийся на добрую треть мальчишка со стоном свалился на колени.

Бесцеремонно взяв мальчишку за подбородок, старуха впиалась взглядом в широко распахнутые глаза квадрика.

– Хлева свиноматок, – продирающийся сквозь боль взгляд бесцеремонно вторгся в сознание презрением и горечью, – четвертое поколение рожденных с клеймом рабов. Выкормыш проклятого эмбирика, твоё тело сочтётся готовым вырваться наружу соком, скоро ты превратишься в дойную корову. Уже... уже скоро твоё тело начнет выдавать ценный удой, а душа будет гнить вместе с телом на конвейерах таких же рабов только с поводком подлиннее...

Запнувшись на полуслове, старуха вздрогнула всем телом. Словно получив увесистую оплеуху, справилась и, жестко обхватив голову мальчишки двумя руками, едва не оторвала тому голову. Вглядываясь в глаза квадрика, где туман будущего проступил неожиданными картинками далеких событий, ведьма с каждой минутой все больше походила на встревоженную лесную сову. Бессвязные незнакомые слова, булькающие звуки перемешивались со вздохами и охами.

Едва дышащий от страха Юрган чувствовал, как голова, в последнее время и так все чаще и чаще превращавшаяся в готовую лопнуть ягоду, сейчас укутывалась пеленой знакомого приступа трясучки. И как только ведьма замотала ею во все стороны, силы оставили тело, и он обвалился безвольной куклой.

– Сколько ему лет?! – опешившая старуха уперла в застывшего деревом аудика требовательный взор. – Я спрашиваю, сколько ему лет?! ОТВЕЧАТЬ!

Эмоциональный заряд встряхнул аудика. Не сводя с тяжело дышавшей ведьмы затравленного взгляда, Деми проблеяла:

– Он, он старший... У него шесть полных сезонов ураганов.

– Проклятье, значит, инкубационный период уже закончился. Когда вживление дозаторов? – Видя непонимание в глазах младшей, старуха закатила глаза к небу. – Проклятье Вещего, когда у вас Посвящение?

– Завтра вечером...

– Бездна слепоты, как рано. Проклятье, надо что-то думать... Думать. Думать! Нельзя его выпускать из леса. Нужен как минимум еще год до первой пункции! Даже два, чтобы не вызвать подозрений... Но как... Как?!

Мечась над распростертым телом в нервном кружении, старуха теребила сухими пальцами полы свободного балахона. Царившие на поляне звуки придали ведьме сходство с ожившим смерчем, поднявшим ворох прошлогодних листьев, а шорох балахона выдал секрет бесшумного передвижения по лесу.

* * *

Деми боялась пошевелиться. Она видела живую страшилку. Та, о которой даже боялись говорить старшие матери. И сейчас перед ней кружит живая Проклятая!

Теперь становилось понятно, как они могли появляться и исчезать буквально на глазах. Как они могли уводить девочек в темноту ночи буквально из-под носа старших матерей, прямо из центра контейнерного поселка.

Но больше страха Деми боялась пророчеств, горячего шепота, предсказывавшего судьбу каждому встречному. Как потом пересказывали несчастные, в них было много непонятного и страшного, ведь все их предсказания заканчивались смертью. У кого-то быстрой, у кого-то далекой, но чаще всего звучали предсказания мук и страданий. И это пугало, заставляло детей плакать.

И с тех дней в глазах насильно узнавших свою судьбу царила боль и тоска, ведь дальше их ждал только мрак. И единственной надеждой что-либо изменить были рассказы ведьмы о скором приходе Вещего. Того, кто сможет всё изменить. Шли годы, предсказания ведьмы становились все зловещее, а легенда обрастала все новыми и новыми подробностями.

– Зачем ты делаешь нам больно? – набравшись смелости, Деми выдавила из себя дрожащие слова. – Мы же не делали ничего плохого. Просто хотели посмотреть бульжник!

– Бульжник? – замирая на месте, старуха растерянно посмотрела на аудика. Осененная догадкой, забормотала: – Бульжник, бульжник... это сможет сработать. Какая умничка, потом посмотрю и твою родовую линию. А пока стой, замри и никуда не уходи.

Метнувшись к памятнику черной тени, ведьма растворилась в зарослях. Спустя томительные минуты ожидания старуха вернулась с увесистым грузом. Бросив обломок черного камня, заставила Деми присесть, разложив перед той кучу листьев с кореньями.

– Слушать внимательно. Не перебивать. У твоего друга великая судьба, но ее нужно подправить. И сейчас пришла пора тебе отплатить за всю оказанную помощь. И если сейчас не поможешь, то вскоре умрешь, – вглядываясь в глаза девчонки, у которой зубы вдруг застучали звонче щибета птиц, голос ведьмы стал проникать внутрь души холодными шупальцами. – Ведь это он тебе помогает получать еду, он тебя защищает от ночных веселий? А как ты думаешь, когда его не станет, остальные простят тебе такую избранность? Как они отнесутся к подружке кормчего, которого уже не стало? Правильно думаешь, будешь мучиться не долго. Мерзость уже давно ждет, чтобы взять с тебя свое...

Ведьма вторглась в ту область, о которой Деми не хотела думать. Она старалась жить и наслаждаться каждым мигом, когда квадрат был рядом. Он вырвал ее из ночных кошмаров, в которые превращалась жизнь девчонок, перешагнувших рубеж трех сезонов ураганов. Все девчонки, после того как она перебралась с квадратом в заброшенный контейнер, теперь провожают ее тяжелыми взглядами с неприкрытой завистью и откровенной злобой. Ведь она выделилась, оторвалась ото всех и не такая, как они. Не участвует в ночных оргиях и не дышит дымом дурь травы. И слова ведьмы объяснили те многообещающие ухмылки, которые ловила Деми у отворачивающихся мальчишек.

– Если это нужно Юргану, я все сделаю!

– Нужно, нужно. Он еще сам не знает, как нужно, – пробормотала старуха, вкладывая в трясущиеся руки аудика лопухи листьев. – Жуй и сплевывай!

Тягучие минуты горького жевания и прессования ладошками остро пахнущего месива из неизвестных растений, совместными усилиями превратили руки девчонки в многослойный пирог.

– Как только скажу, сразу прикладываешь к тому месту, куда буду показывать. И плотно прижимай со всей силы. Всё ясно?

Дождавшись утвердительного кивка, старуха с удивительной проворностью перевернула массивное тело друга. Водрузив голову Юргана на колени девчонки, тщательно вглядываясь и ощупывая голову квадра, старуха оголила затылок от свисающих до пояса патл.

И не успела Деми удивиться мелькнувшему обломку камня, как тот с глухим треском впился в череп друга. Образовавшаяся рана еще секунду алела розовостью кожи и белизной кости, а затем все залило кровью. Руки, лицо и комбез обдало струей солоноватой красноты.

– Не ори, дура! – отвесив затрепачанную кровью девчонке, ведьма прикрикнула: – Закрывай быстрее рану, пока мозги не пошли!

Захлебнувшись криком, трясущаяся Деми действовала, как во сне. Четко выполняя инструкции старухи, старавшейся быть рядом и не наследить в лужах крови, Деми нажимала на указанные ведьмой точки тела.

– Так, а теперь за ухом прижми мизинцем. Чувствуешь такой пульсирующий канатик. Чувствуешь?

– Нет там канатика!

– Спокойнее, сдвигай палец чуть левее и сильнее нажми.

– Да, да, есть!

– Молодец, нажми, пока не почувствуешь, как он превращается в палку. Сейчас сосуд закупорится тромбом, и кровь перестанет бить фонтаном, а остальное уже сделает трава. А ты теперь слушай внимательно и максимально запоминай, что говорить дознавателям Смотрящего. Вы играли в джунглях и нашли уцелевший памятник. Хотели убедиться, что это действительно с прошлых времен, и твой друг полез на самую вершину и сорвался оттуда. Ты пыталась закрыть рану руками, листьями, всем, что под руку попало. Не думаю, что среди них сохранились специалисты, что смогут определить присутствие в крови смеси других трав. Подумают, что тебе просто повезло, и ты заткнула парню дырку именно теми травами, что нужно. Но главное, у него спадет внутричерепное давление и уйдут излишки эмбирика. Поэтому никто не потащит на имплантацию полудохлого раба, который не сможет выдать богатой первой пункции. Оставят поправляться до следующего лета... Убирай руки, нужно убрать мякиши трав, и приложим только листья муарты...

– Зачем ты это сделала?!

Первый шок прошел, но вид открытой раны, в глубине которой пульсировала пленка с бурым веществом, вызвал внутри Деми позыв к рвоте, и она опорожнила желудок в сторону. Отплеываясь от противных остатков завтрака, девчонка утерла испачканное лицо рукой, но не отвела от ведьмы ждущего взгляда.

– Затем, что другого выхода не было.

Усмехнувшись недоверию в глазах девчонки, ведьма присела на колени. Спустя долгое мгновение нахмуренно пробормотала:

– Странно, как это мы тебя проглядели. Такой канал пропустить... недосмотрели, так не досмотрели. Надо будет расставить чтецов и проработать ситуацию... Не надо на меня так смотреть, неопит ты мой. Других вариантов больше не было. Завтра у него Посвящение. И ему вживили бы дозатор. Первая донорская пункция, и в мозг вплескивается коктейль токсинов. И все, твой дружок и половины не будет помнить из прошлого. А мне еще многое нужно ему рассказать и показать, иначе после заводов Смотрящего у Осириса станет на одного безмозглого раба больше...

– Мы не рабы! – всхлипывая от пережитого потрясения и шока, Деми не соглашалась с обвинениями. – И почему мы должны бояться Посвящения? Это же традиция для всех. Первый имплантат нужен для здоровья! Через него мы получаем первые прививки и лечение Смотрящего. Без него взрослые не проживут и недели. Сколько было случаев, когда человек без пункций и биомассы умирал в диких болях? Нам показывали записи, как это происходит... Это страшно. И поэтому матери проходят процедуру ежедневно. Хвала небесникам за их доброту и милосердие. Если бы не медкамеры и биомасса, мы бы умерли от болезней Проклятых!

– Девочка моя, – грустно усмехнулась старуха и наполненным горечью голосом произнесла: – Все, что ты повторяешь, вранье. Нет никаких болезней, есть только искусная ложь, которой тебя кормят с малых лет. И сейчас есть шанс всё изменить. Понимаешь? Всё! На роду твоего друга лежит печать больших свершений. Я еще не знаю, почему именно он и каким образом, но скольких людей я ни смотрела, только у него одного я увидела синий цвет Вещего! Твой друг будет проводником его воли в нашем мире!

– Это материнский шепот, нет никакого Вещего, – прошептала одними губами побледневшая Деми. Переводя растерянный взгляд с обездвиженного друга на сияющие сумасшедшим огнем глазища старухи, девчонка растерянно хлопала глазами.

Рассказы о Вещем передавались из уст в уста и всегда будоражили детскую фантазию обещаниями перемен. В них говорилось, что есть где-то человек, который может понимать, чувствовать, видеть всех людей на свете. Он бродит из мира в мир, от селения к селению, принимает разные обличья, но всегда, где бы он ни появился, наступает час справедливости. И тех, кого Вещий признает правильно живущими, ждет процветание и благодать, а тех, кто отвергнет его волю, ждет смерть.

– Нет, девочка моя. Уже нет, – загремел фанатичностью голос ведьмы. – В твоём друге я слышу *его* поступь, чувствую гарь сражений. Вижу склоненных на коленях небесников, горящие дворцы Смотрящих... Я вижу время возвращения долгов великому народу!

Глава 3

Взрывы тяжелого масдеграва играючи встряхнули коридор старого лабиринта. Стены задрожали и покрылись трещинами. Сквозь щели в черном базальте потекли ручьи золотого песка. И без того плохая видимость упала до нескольких метров. На темной стене проступили размытые контуры жмущегося к полу человека. Не сводя с белого пятна входа растрескиваясь двух излучателей, беглец обессиленно опустился на корточки. Дав измученному телу минуту отдыха, загнанная в ловушку дичь двинулась навстречу свету.

Когда до входа осталось несколько метров, за спиной послышался частый цокот. Облаченный в легкие доспехи силуэт даже не обернулся, а сорвавшись с места, пулей рванулся из туннеля, грозившего стать смертельной ловушкой. Не выпуская из нижней пары рук двух излучателей, четырехрукий беглец подпрыгнул под самый потолок. Высекая искры шипованными подошвами, сдирая пальцы рук до мяса, беглец старался выскочить из туннеля на максимальной высоте. Но прозвучавший сзади взрыв самоходной мины заполнил коридор стеной огня, и ударная волна выплюнула человека из туннеля словно пробку.

Перед ударом в противоположную стену беглец успел перегруппироваться, и большая часть импульса пришлась на занимавший всю спину универсальный контейнер. Дешёвый композит старой брони не выдержал такого надругательства, и шлем с контейнером покрылись сетью трещин. Осыпаясь со шелестом разбитого стекла, энергопоглотитель рассыпался в труху, и спустя мгновение шлем превратился в стальное ведро, не способное спасти своего обладателя даже от выстрела легкого импульсника.

Устало подпирая спиной стену, квадрат в посеченной осколками броне держался на ногах только благодаря воле. Оглядывая площадку с четырьмя выходами, один из которых чернел копотью и чадил дымом от недавней травли, боец невесело усмехнулся. И начал готовиться к продаже своей жизни дороже, чем стоимость самоходной мины...

Его гнали, как крысу. Вытравливали со всех щелей, не давали отсидеться или затаиться в каменном лабиринте. Стоило ему остановиться, как вблизи разрывалась дымовая шашка, стоило только сбавить ритм сумасшедшего бега, как позади слышался противный цокот, и гранитные своды сотрясали разрывы кинетических пушек, и чем дальше он пробирался в глубину хитросплетений каменных рукавов, тем ожесточеннее его преследовали. Последнего из волны смельчаков, решивших пройти отборочный уровень Арены.

Простое с виду задание скрывало множество подводных камней. И как оказалось, пройти сеть подземных коммуникаций, миновать ловушки и выдержать бои с бесконтрольными «теньями», у которых контур управления замкнут на инстинкты хищников, было всего лишь видимостью.

Вместо слепой охоты его целенаправленно вытравливали. И судя по тщательности осматриваемых закоулков и щелей, его задумку пройти незамеченным основные побоища неведомые охотники оценили по достоинству. И теперь за ним охотится ячар с полноценной стаей «теней» на подхвате.

Сенсор на предплечье пискнул знакомыми засечками. Две «тени» в броне среднего класса и тяжелый штурмовик находятся в пределах ста метров. Охотник распутал все следы и разгадал не хитрые головоломки, и сейчас настанет момент истины.

Бетонный пятак, накрытый густой сетью защитного энергополя, был мешком с одним выходом и тремя хитрыми тупиками, в которых беглец и так потратил очень много времени. И сейчас из единственного выхода доносились звуки приближающейся погони.

А это значит, что бежать больше некуда.

Улыбка квадрата с рассеченной губой и в помятом шлеме переросла в оскал. А руки продолжали жить стремительной самостоятельной жизнью. На энергетический шунт, покры-

тый вспомогательными проекциями сборки, один за другим наращивались дополнительные модули из отсеков наспинного контейнера. Лязг и щелчки точных движений нижней пары рук не прекращались, даже когда в проем высыпали проворные блохи-разведчики, что семена сегментированными лапами, расплескались по бетону блестящими булыжниками.

В момент появления в проеме облаченной в массивные напльвы тяжелой брони «тени» ячара работа рук прекратилась с финальным гулом разгоняемых реакторов. От расслабленной походки убийцы, шедшего на расправу над беспомощной жертвой, не осталось и следа.

То, что видела «тень», не могло находиться в руках беглеца, ведь по всем канонам и истории сражений на Арене такое вооружение использовалось только в обороне, и даже если новичок получал в руки подобный козырь, то давно бы топил всех врагов в огне, начиная с первой стычки. А этот беглец преподнес сюрприз. Неожиданный и опасный.

Боясь пошевелиться, тяжело бронированный пехотинец не отрывал бойниц шлема от полыхающего разгонными огнями жерла масдеграва. Сверхтяжелое орудие пехотных комплексов огневой поддержки не предназначалось для беготни по лабиринтам, а служило зубьями жерновов, способных перемолоть не одну полноценную дециму атакующих.

– Страшно? – наслаждаясь мгновениями всемогущества, спросил квадр, рывком сбросив на бетон бесполезный комок металла, некогда бывший шлемом. Встряхнув вырвавшуюся на свободу гриву смоляных волос, среди которых искрились шунтированные в череп струны, беглец оскалился:

– Ну, тогда передавай привет всем новичкам!

Мгновение – и в руках вспыхнуло солнце. Обжигающее сияние энергии сорвалось со ствола косматыми сгустками и, подчиняясь магнитным импульсам, оставляя оплавленные следы на каменной крошке, шары огня устремились к расплывшейся в движении Тени.

Уходя с траектории огня, штурмовик отстреливал с брони одну ловушку за другой. Слетавшие зеркальной чешуей сегменты активной системы обороны украшались сияниями и за секунды недолгого полета выстраивали между целью и огненными шарами стену энергетической преграды. Рассеивая энергию косматых шаров, ловушки пытались спасти своего хозяина. Но одно дело противостоять плотному огню плазменных росчерков, а другое – выстоять против энергии, превосходящей объема поглотителя в несколько раз. Хрустальный звон сливался в одну высокую ноту, что разбавилась трелью оглушительных разрывов освобождаемой энергии, иссушившей воздух маревом высоких температур.

Но жмурившийся от ослепительного сияния квадр не желал отпускать добычу. Прикончить главную штурмовую единицу было отличным выходом из ловушки. И пока ячар конфигурировал бы новые управляющие контуры, подключая «теней» от других децем, беглец сумел бы выбраться из ловушки и в считанные минуты оказаться у подножия пирамиды Признания, на вершине которой ждет сияющий кристалл ученика на звание ячара...

Стена слева вздрогнула от импульса, и последний выстрел, что должен был превратить штурмовика в скрюченную кляксу металла, ушел в сторону. Уклоняясь от гранитных осколков близкого попадания, квадр не смог удержать орудие, и последний выстрел ушел вверх.

Уклоняясь от боковых выстрелов, квадр перехватил массивные крепления масдеграва и, освободив верхнюю пару рук, выхватил легкие импульсники.

Спеша на помощь старшей «тени», бойцы в базовой пехотной конфигурации не могли противопоставить масдеграву ничего, кроме отвлечения огня на себя.

Рева от усилий по удержанию одной парой рук массивного орудия и попыток одновременной стрельбы из двух импульсников, квадр бросился в сторону.

В отличие от противников, он не имел модулей активной энергетической обороны, и ресурс его поглотителей доспехов разведброни оставлял желать лучшего. Для тонкого слоя энергетика уже достаточно было одного-двух импульсов, чтобы оставить своего хозяина голым против плазмы.

Желая прекратить бой на два фронта, квадрат резким разворотом накрыл выход из туннеля короткой серией выстрелов и, не глядя, как оплывает каменная арка от ярких вспышек, списав уже полыхающие свечами силуэты «теней», квадрат вернулся маркером прицеливания к месту, где был штурмовик.

Но на месте быстро остывающего бетона и песка не было ничего напоминавшего зеркальную лужу металла. Были только гарь и копоть. Запоздалая паническая мысль о роковой ошибке совпала с шорохом осыпавшейся на голову каменной крошки. Понимая, что уже опаздывает, четырехрукий боец попытался резко дернуться вперед и развернуть ствол на вершину отвесной стены.

Предугадывая его движение, перед лицом полыхнул импульс. Половина лица спеклась в корку, а за волосы вцепилась бронированная перчатка штурмовика. С размахом впечатав сучившего ногами квадрата в стену, охотник мощными ударами ножа пробил выпуклые броневые щитки над плечевыми суставами.

Пытаясь удержать вырываемый с корнями скальп, беглец еще пытался сопротивляться, но силы уходили вместе с вытекающей из глубоких ран кровью.

Сильным рывком штурмовик еще выше подтянул жертву. И всадив стальное жало в подмышку пойманной жертвы, с хрустом провернул нож в пластинах брони.

Глухой звон угловатого орудия со следами кустарной переделки разнесся по площадке прощальным набатом, и жертва безвольно обвисла в мертвом захвате.

Когда песок под ногами жертвы пропитался кровью, а движения потеряли напор, грузная фигура грациозно освободилась от удерживающей паутины и спрыгнула к жертве. Скупыми движениями профессионала еще раз пройдясь острой сталью по сухожилиям зафиксированной жертвы, штурмовик ногой откинул оружие подальше.

Игнорируя яростные проклятья обездвиженной жертвы, старшая «тень» децимы ячара с родовым гербом на груди присела под вой сервоприводов брони. Глядя в медленно стекленеющие глаза беглеца, с внешних динамиков раздался насмешливый голос:

– Неплохая попытка, мясо. Мои поздравления.

Острейший сплав металла, заточенный энергетическими полями высокой полярности, играючи отделил голову от тела.

Глава 4

Корвин, третий сын тысячника Стаи Серого Льда, сейчас был зол. Он был взбешен. Мечась на каталке в комнате медицинского блока загнанным зверем, он не знал, как выплеснуть закипавшую внутри гремучую смесь из паники, злости и ненависти ко всему миру.

Тело разрывало от фантомных болей, шею нещадно ломило от удара штурмовика, а в сознании звенел предсмертный вопль умирающей «тени». Но физическую боль он перенес бы молча. Больше всего его разъедала горечь от поражения в очередной попытке вырваться из ловушки, в которую он угодил с рождения. И все его попытки хоть что-то изменить натываются на просто фатальное невезение.

Ну откуда?! Почему именно за ним охотился ячар?! И как он его вычислил?! Даже судя по гербу и витиеватому узору, довольно опытный владыка безвольных тел не мог его просто засечь по отметкам сканера. А тем более предугадать, что задумал один из сотни претендентов.

Ведь он использовал не популярную тактику новичков, решивших попытать счастья на Арене! Нет! Такой подход, который применил он, уже не использовался много лет!

Переоборудованная и усиленная экранизацией доспехов разведброня должна была скрыть излучения тела и электроники от всех видов активных систем обнаружения. А фокус с масдегравом был бы огромным сюрпризом у подножия Пирамиды для охотников, и пока ошеломленная жестким отпором погоня зализывала раны, у него остался бы шанс на последний рывок к мечте. И всё! Блистательная победа – и он на вершине успеха!

Ведь сколько он ни смотрел архивы, все бои и отборочные игры сводились к тупому технологическому противостоянию и количественному перевесу в «теньях». Никакой фантазии! А в его случае, даже по теории вероятности, ему уже просто ДОЛЖНО было повезти!

Но вместо этого он в очередной раз с размаху сел в лужу. Вернее, угодил в объятия медкиборга, который бережно доволоч его в медицинский отсек из ячейки управляющего контура. Под стоны пациента, еще не отошедшего от сеанса слияния с «тенью», киборг начал операцию по восстановлению поврежденного позвоночника и модулей сопряжения с шунтами управляющего контура.

С хрустом извлекая из плоти почерневшие иглы нейродатчиков, отбрасывая бесполезный хлам в утилизатор, щупальца медика порхали над расчлененной спиной, уверенно обрабатывая поврежденное тело биораствором. Вливая в зияющие раны прозрачную жидкость и удаляя поврежденные ткани, чувствительные пальцы из медицинского сплава бережно ощупывали схватывающий раствор и, диагностируя полное срастание донорских стволовых клеток с носителем, стали облучать воронки лучами финишера.

Проникая в структуру клеток едва видимым столбом света, луч вызывал быстрое деление клеток, и спустя несколько десятков секунд жидкость мутнела, а после усилившейся яркости луча и вовсе покрывалась розовой нежностью молодой плоти.

Открывшиеся без предупреждения двери оповестили о появлении людей, имевших больший статус, чем тот, кого латали на каталке. А когда прозвучали до боли знакомые приторно-ласковые нотки, Корвин только закусил губу.

– Салем, а ты не знаешь, что за тушку сегодня уволокли с Арены под номером восемьдесят три?

– Даже не представляю, – прозвучал такой же наигранный ответ. – Но мы же не зря выкупили этот сувенир. Давай-ка спросим у нашего младшего, ведь он очень увлекается Ареной, даже в последнее время перенес операцию по усилению позвоночника, представляешь? Вот он наверняка знает, чья это запчасть...

С глухим стуком и чавканьем на панель диагноста было водружено что-то. Когда от запаха горелой плоти стало не продохнуть, Корвин открыл глаза.

Высушенная и не пострадавшее от разряда половина искаженного лица квадра сохранила выражение предсмертного крика «тени», чья голова сейчас предстала перед незадачливым хозяином молчаливым упреком о проигрыше.

– Смотри, братец, а мы приготовили сувенир с твоего первого выступления! Ты так быстро покинул арену, мы даже испугались и подумали, что вряд ли ты успел усвоить урок. Вот и решили тебе сделать из черепушки именную чашу... Корвин-неудачник!

Издевательский смех сотряс комнату громовыми раскатами. Возвышаясь над каталкой двумя человекоподобными тушами с гипертрофированной мускулатурой и головами животных хищников, его братья по отцу покатывались со смеху.

Им доставляли удовольствие жалкие потуги младшего выбиться с третьих ролей. Ведь в отличие от него, старшие наследники поделили между собой все богатство рода Мер-Хан. Старший готовился принять у отца титул службы вождю, а средний – унаследовал все богатство семьи. И только третьему досталось знатное происхождения без прав на звание и имущество. Это больше всего злило Корвина.

Из-за того, что папаша обрюхатил первой не его мать, а какую-то смазливую сучку чужого рода, ему теперь предстоит мучиться всю жизнь! Сносить насмешки этих индюков, у которых мозгов хватает только на то, чтобы тратить средства рода на модные биомодификации геномов, трахать все, что шевелится, а ему для какой-то жалкой процедуры усиления скелета жгутами новой бионики пришлось кланчить деньги у главы материнского рода. Эх, если бы мать была жива. Все было бы значительно проще.

– Эй, гроза Арены, чего молчишь?

– Ты что, Дит, он вынашивает новые планы по покорению Арены, пересчитывает последние гроши на покупку нового раба, чтобы покорить Арену и выиграть приз главного Желания! А ты знаешь, какое оно у него? – наслаждаясь сверкнувшим в глазах Корвина блеском бессильной злобы, запрокинув волчью голову, Салем расхохотался. – Он мечтает заполучить сладенькую Юдуфь!

– А губенка-то далеко не дура! Единственная дочь рода Рамаза-Хан, – поддержал веселье средний брат. Голова мифического вепря сложилась в противную гримасу хихикающего чудовища. – Или это спермотоксикоз бьет в голову? Ведь кобылка очень заметная, такие формы, а как танцует... я бы ей вдул, а ты?

– Спрашиваешь, но вот только она не для забав. За ее чреслами следят Верные Псы. Можно заполучить очень большие проблемы, – волчья голова оскалилась. Но взгляд желтых глаз вновь обернулся к молчавшему Корвину. – Зато младшенький-то придумал отличную комбинацию. Вот только мозгов не хватает для реализации задуманного. Может, поможем советом, а потом он даст её попользовать на ночь, как думаешь?

Вдоволь насмеявшись над своими шутками, братья собрались было уходить, но фигура с волчьей головой застыла у дверей. Наградив пышущего бессильной злобой Корвина долгим взглядом, Дит метнулся к операционному столу.

Сбросив младшего с кушетки и схватив за горло, впечатал того в стену. Вглядываясь в покрасневшие от натуги глаза и руки, пытавшиеся ослабить удушающую хватку на горле, оборотень пролаял:

– Слушай и запоминай, щенок. Главная причина поражения была в том, что ты выбирал «тень» среди взрослых рабов Тысячи Городов и не знал основного правила... «Тень» растяг, ее учат чувствовать каждую мысль, каждое биение сердца, с ней сживаются. Она продолжение твоего тела, это не она берет в руки оружие и сражается на арене, а ТЫ! Она просто одежда, доспех твоей воли! И когда ты добьешься повиновения на уровне вздоха, только тогда ты сможешь побеждать! А когда твоя «тень» станет мастером, в нее вживляются

материнские шунты и подключается децима таких же, тщательно отобранных и возвращенных «теней». Так продолжается, пока твое мозаичное восприятие мира не сможет контролировать тетру полной сотни воинов! Вот тогда ты станешь истинным ячаром! И только тогда ты сможешь победить на Арене, а пока... ты просто позор рода. Хорошо хоть мозгов хватило не выставляться под родовым тотемом. На, изучай запись своего позора с комментариями лучших специалистов Арены. Помни, еще раз проиграешь, то снисхождения не будет. Роду не нужны неудачники...

Вновь забросив закатившего глаза юнца на операционный стол, оборотень выхватил из-за пояса личный жезл. Отзываясь на касание, золотой стержень укрылся сиянием. Касаясь им проекции, на которой высвечивались поврежденные участки тела, оборотень гасил красные зоны неоплаченного лечения. И когда киборг ожил стремительными движениями, а в резервуарах забурлила жидкость для генной модификации, охваченный тисками захватов Корвин пришел в себя.

Глядя, как скалится в усмешке волчья голова, пленник попытался было вырваться, но плотные захваты тут уже стянулись в фиксации, по телу ползали щупальца диагностов.

– Что ты задумал, Дит? – встревоженно спросил старший брат. Поведя кабаньей головой от проекции к проекции, Салем хмуро покачал головой. – Отцу это не понравится!

– Переживем, а вот нашему неумехе будет лишний повод шевелиться.

– За что?! – выдавил из себя Корвин.

– Да ни за что, – пожал мощными плечами оборотень. – В роду давно не рождалось достойного ячара. Привлекать со стороны накладно и не надежно. А тут один из детей главы рода по собственной воле изъявил желание стать владыкой, почему бы ему не помочь? Но чтобы у тебя не было соблазна применить свои способности против нас, мы кое-что тебе вживим, для страховки. И это будет нашей гарантией. От ядовитого плевка в спину...

Волчья пасть мелькнула в считанных сантиметрах от лица, клацнув неестественной белизной клыков, и брат горячо задышал в ухо.

– Теперь в твоём организме будет циркулировать крохотный тромб, и в случае нарушения основной заповеди ты, наш горячо любимый братик, тут же сдохнешь. Мгновенно. Даже не успев насладиться наследством...

Начавший действовать наркоз сковал тело и разум ватными оковами. Теряя ощущение реальности, Корвин проваливался в наркозный сон с дикими проклятиями братьям. Только что они сделали его вечным третьим. Теперь он никогда не сможет вырваться с последних ролей!

Тонкий писк киборга-диагноста, пробежавшего по телу шустрым паучком, известил о последних секундах сна. Тяжело вырываясь из оков анестезии, пациент выгнулся дугой. Разрывая легкие диким кашлем, молодой парнишка свернулся в позе эмбриона. Едва не теряя сознание от боли, переборол спазмы и приподнялся на трясущихся руках.

Каждая клеточка горела огнем и болела, словно он был пропущен через ушко иголки, да по нескольку раз. Братья скупердяи пожалели денег на полный комплекс, и теперь ему придется мучиться от жуткой мигрени, пока в крови не распадутся токсины дешевого наркотика.

Медленно поднявшись и ощутив себя, Корвин посмотрел на проекцию со своей точной копией. Пытаясь понять, куда именно могли запустить вредоносный модуль, инфицированный микробомбой, он смог только тяжело вздохнуть и обессиленно обхватить голову.

Его провели. Мастерски и в лучших традициях Стаи. Какая-то гнида вычислила его цели и, действуя на опережение, сплела паутину, куда он угодил бестолковой мошкой. А сегодня Дит прямым текстом в этом признался. После такого откровения он не удивится, если братья наняли того ячара специально для него, и все обставили для фатального проигрыша.

Но кто смог сдать его братьям!? Он же никому и слова не сказал о своих планах. Ни с кем даже не обмолвился.

Эх, а какой был план. Как все начиналось хорошо. Он планировал красиво победить. Показать зрителям и судьям одну яркую схватку, а затем прийти к отцу с просьбой помочь ему в исполнении мечты. И отец не отказал бы сыну, выбравшему почетный путь воина стаи, и... дал бы денег. Много денег. Вот тогда бы он и начал трудный путь восхождения по лестнице власти. Набираясь мудрости в занятиях с дорогими учителями, наращивая слои боевых модификаций, и спустя годы тренировок он бы выиграл Большую Арену и получил бы главный приз. Золотое Желание.

А вот тогда-то и можно просить о родстве с Рамаза-Хан. Вождь Стаи не откажет победителю.

И вот тогда... Вот тогда бы и открылись перспективы для мести у мальчишки, выросшего без матери в тени старших братьев. Вот тогда бы эти выскочки лизали пыль с его ног!

Но теперь все его векторы целей летят в бездну! Теперь все его слова в глазах отца, уже обработанного братьями, будут выглядеть жалкой попыткой оправдаться. Теперь никаких инвестиций. Никакой самостоятельности. Никакого внимания. И он вновь отброшен на эпизодические роли. Даже хуже.

Братья теперь знают, что он далеко не та размазня, за которую себя выдает. И теперь подстраховались от его козней. И даже больше. Они будут его поддерживать и возвращать как ячара рода Мер-Хан. Ведь с момента вживления биомодуля он будет послушным оружием в их руках...

Запустив на проекцию запись своего неудачного поединка, Корвин только стиснул зубы. Все его уловки с разведброней и поспешными действиями фиксировались со всей тщательностью, а комментарии консультантов только заставляли бессильно скрипеть зубами...

Плохие доспехи, неудачный выбор оружия и поверхностные знания тактики боя в замкнутом пространстве. Отличные показатели владения технологией масдегравов, оружейные комплексы на отлично, удовлетворительное стратегическое планирование. Но самое главное – нехватка информации, которая в конечном итоге вылилась в тактический проигрыш на второй минуте открытой схватки.

Самое обидное было в том, что самостоятельно он этого не узнал бы! Проклятая политика дозирования информации по статусу! Эти данные предоставляются только с кодом доступа не меньше альфа-три. А его статус был в зоне бета один.

И так большинство знаний он собирал по крупицам. Из разных источников, втайне ото всех. И естественно, об особых принципах и методах слияния «тени» с управляющим сознанием ячара он не мог даже догадываться. Именно поэтому он пользовался каналом управления через обычный шунтированный канал подчинения. Теперь он понимал, почему запаздывали реакции, почему его действия были словно движения в воде.

Отклик от «тени» проходил не через естественные каналы реакции, а через навязанные узы пси-подчинения. Использовались не русла естественных и сформировавшихся нейронных цепей, а также наборы знакомых нервных импульсов, а грубо проложенные подчиняющие каналы управления!

Вдобавок ему просто не хватало скорости. Вот поэтому он и не чувствовал границу реальности, а когда «тень» получила первое ранение, и доспех поплыл высокотемпературным маревом, загнанное в ярмо подчинения сознание раба в момент смертельной опасности вырвалось наружу. Подчиняясь дремучим инстинктам, раб уже не слушался приказов управляющего сознания, бросил сопротивление, но едва не сдернувшая скальп хватка все расставила на свои места.

Вырвавшийся рык бессилия вновь пробудил в груди жажду мести. Схватив замолчавший навеки упрек за волосы, Корвин забросил череп «тени» в утиль-камеру.

Глухой стук и урчание биоразтворителя наполнило комнату запахом озона, и в голове просветлело. Вспышка ярости отпустила, и в сознании стали появляться первые мысли здравого рассуждения.

Что же, надо уметь проигрывать и принимать удары достойно.

Эту схватку с братьями он проиграл. Вчистую.

Но все-таки получил инвестиции для развития проекта ячара, при этом потеряв самостоятельность.

Остается придумать, как выбраться из той ловушки, в которую сам себя загнал.

Поднявшись с ложа, Корвин натянул серебряный костюм обычного безродного служащего стаи. Дождавшись, когда все суставы тела оплетет стальными лентами экзоскелета, накинул на плечи плащ и поправил на голове дешевый обруч проектора. Выбрав самую распространённую и модную проекцию мифического зверя, Корвин укрылся сияющей голограммой и выскользнул из медицинского бокса.

Не оглядываясь, он уверенно двинулся сквозь лабиринты космического города, обуреваемый лишь мыслью о возросшем счете к братьям, к Стае, ко Вселенной.

Им прочно овладело одно желание: перетряхнуть сплетение астероидов Тысячи Городов, как банку с пауками. Чтобы все его враги перегрызлись насмерть, а когда он получит власть и богатства рода, то останется один лишь сладкий пунктик. Заставить самоуверенную тварь Юдуфь заискивающе стелиться у ног и видеть в нем повелителя, а не смеяться над неуклюжими знаками внимания третьего сына рода Мер-Хан.

Глава 5

– Ты же прекрасно знаешь, что это невозможно.

Тихий шепот Деми был наполнен печалью и тоской, отзывающимися в груди щемящей болью. Перебирая пальцами непокорные косички, что упругими стручками с вплетенными ростками лиан сопротивлялись любым изгибам, Юрган наслаждался каждым мгновением пребывания вместе. Наглаживая руками прильнувшую к нему девушку, обнимал за белые плечи, перебирал стручки прически и слушал бьющееся в унисон сердце.

Сегодня был последний день, когда они могли лежать в тени шатра, скрытые от палящего солнца и всего мира низко стелющимися листьями кустарника. Это был последний час их пребывания вместе, а дальше разлука. Неизбежное расставание, ведь ночью Посвящение, а дальше все скрыто неопределенностью.

Для него. Его путь непроницаем для взглядов чтецов родовых линий. Сколько он ни просил, никто в кочевье ведьм не мог сказать, что его ждет дальше. Даже Деми.

– Я не понимаю, почему у всех читается будущее родовой линии, а у меня нет! Почему все, кто видит меня, молчат и отворачиваются. Сколько я ни прошу Видящую, она только шипит и прогоняет меня как чумного!

– Мы читаем только тех, чье влияние на будущее минимально. И наши слова не изменят ткань мироздания. А ты почти весь в синем тумане, а для нас он как каменная стена, – проговорила Деми, пытаясь обхватить его необъятную грудь.

Девчонка не открывала глаз, нежилась в уютных объятиях всех рук.

– Ты как зубная боль. Вспышка – и мы, как мотыльки, перегораем, слепнем и ничего не видим. Только Видящая может выдержать Синий туман. Только она может разобраться в бурной реке из чужих судеб, и то... Недолго, и тоже через боль. Но ясно видно, что именно на тебе завязаны судьбы живых и мертвых Осириса. Именно над тобой светится вязь нереализованных потенциалов. И любое неосторожное касание вызовет болезненную реакцию мироздания. Поэтому даже для нас твое соседство очень большая опасность...

– Для нас, – с горечью сплюнул Юрган, – ты уже поделила мир на своих и чужих. А где в нем место для меня?

В его объятиях лежала давно не та девчонка, что пропала ночью из ясель. После тщательного допроса погонщиков и дознавателей девчонка еще день оставалась возле мечущегося в бреду Юргана. А на следующую ночь вышла и не вернулась. И когда пришедший в себя кадр смог позвать Деми, самая старшая и древняя из матерей бросила ему искореженный обломок металла.

Разглядывая посеченные зубами ворка обломки ясельного шунта, Юрган слушал историю о погонщиках, выследивших стаю ворков по маячку, где в брюхе вожака и был обнаружен имплантат. И даже ощущая в руках холод мертвого металла, он не верил.

Хоть новость и подкосила ослабленный организм, провалявшись еще трое суток в горячем бреду, Юрган дал себе обещание разобраться с этой пропажей. И после выздоровления кадр изменился. Замкнулся в себе и часто пропадал в джунглях. И словно сдавшись его упорству, в ответ на его безмолвный зов среди джунглей он встретил Деми.

Вернее, она встретила его у памятника уже в новом обличье. Вместо непокорной шевелюры из огненной гривы и пылающих азартом озер синева глаз, его приняли аккуратные струи косичек и грустные глаза человека, узнавшего о жизни настолько много, что эта тяжесть давила изнутри, просачивалась через зеркала души и смотрела на мир грустно, с печальной улыбкой. От этой улыбки Юрган хотел обнять аудика, прижать к себе, защитить от всего. И не отпустить никогда и никуда.

После того как улеглись первые эмоции, они договорились о встрече в новом месте. И он уже сбился со счета, сколько дней Юрган пропадал вместе с Деми в джунглях. Но с каждой встречей от прежней девчонки в ней оставалось все меньше прежней знакомой. Она всегда отзывалась на поцелуи, всегда слушала его нескладные слова о бушующих внутри эмоциях, но в глазах не было радости и восторга, как у него. И все чаще в ее словах мелькали слова «мы и они», а слов об их будущем не звучало совсем.

И чем ближе была дата Посвящения, тем хуже становилось внутри.

Юрган понимал, что если оставить все как есть, то Деми останется в джунглях, а он уйдет в неизвестность, и это будет конец! Конец всему. И это разрывало сердце мукой. Хотелось выть, рычать, убивать, чтобы сделать хоть что-нибудь! Но что именно могло их спасти... он не знал.

Побег в джунгли?

Новые друзья Деми отказались ему помочь в извлечении имплантата, а в случае если он не явится на следующие сутки в ясли, будут организованы полномасштабные поиски. И по показаниям маячка его выследят, как ту стаю ворков, в какую бы нору он ни забился. Сколько бы он ни думал, ничего стоящего не шло в голову. Что ему делать?!

Ровное дыхание девчонки сбилось, и в глаза квадрa плеснулось море грусти. Убрав с лица прядку непокорных косичек, Деми тихо произнесла:

– Не мучай себя. Не рви сердце пустыми переживаниями. Ты всегда будешь со мной. Вот здесь, – касаясь рукой обнаженной груди, девчонка грустно улыбнулась, – навсегда. Слышишь? И знай, пока оно стучит, в нем всегда есть место для тебя. Помни и не забывай об этом.

Обхватив лесную нимфу, Юрган уткнулся носом в пахнущую джунглями копну косичек. Не зная, как совладать с бушующими внутри эмоциями, бережно поцеловал девчонку в податливые губы. А дальше сорвался в штопор, отдавшись урагану нахлынувшей страсти, которая вновь выжала обоих до дна.

И когда полог из листьев колыхнулся и в полумрак шатра ворвались яркие лучи солнца, они смогли только вяло прикрыть глаза.

Заглянувшая тень проступила чертами молодого лица, что заинтересованно окинула обнаженную парочку любопытным взглядом, но наткнувшись на взгляд Деми, девчушка в свободном балахоне из плетений листьев и ткани засмушалась и буркнула:

– Вас ждут на открытой поляне.

– Сейчас будем, – ответила Деми.

Дождавшись, когда младшая из касты чтецов уйдет из уютного гнезда, обнаженная Деми поднялась и дотянулась к вершине шатра. Не оглядываясь на шорох одевавшегося в универсальный комбинезон Юргана, девчонка поколдовала с основаниями лепестков, и дерево отозвалось тихим шелестом.

Набухая силой, стволы сведенных деревьев распрямились, и спустя минуты на месте шатра не осталось и следа.

Кочующая стоянка ведьм напоминала развороченный муравейник. Многочисленные младшие чтецы в зеленых хламидах занимались паковкой нехитрого багажа. Укладывая в плетеные сумки глиняную посуду, свитки листьев, девчонки распускали кустарники из-под шатров, разглаживали в лесу любую неестественность, что могла выдать пребывание людей. И отзываясь на прикосновения и шепот, примятая трава буквально на глазах наливалась стройностью и силой.

Спустя несколько минут шумного пробивания Юргана сквозь кустарник, следом за стройной фигурой Деми, словно бестелесным призраком просочившуюся далеко вперед, они вышли на поляну, обрамленную вековыми деревьями.

Остановившись в центре поляны, Деми присела на колени перед полукругом молчавших фигур. Пришедший следом Юрган окинул пятёрку ведьм хмурым взглядом.

Сейчас, в отличие от первого раза, он уже не боялся их до икоты. Страх, конечно, присутствовал, но не было того парализующего ужаса, который охватывал его, когда он смотрел в глаза этих старух. За прошедшее время знакомства он многое узнал об этих таинственных людях Осириса. Познал то, что позволили. А вот понять, что ими движет, так и не смог.

Они делились знаниями, учили понимать лес. Открыли ему глаза, что кроме биомассы есть еще много других съедобных вещей, которые питательны и не вызывают той обманчивой эйфории и сытости, что присущи эмбирику. От них он впервые узнал о Проклятых временах и намного больше, чем об этом говорилось в страшилках у костра и в материнском шепоте. Но самое главное, они ему рассказали, что кроме этого леса, в мире есть еще другие места, в которые ему предстоит вскоре отправиться, и от того насколько он сейчас будет знать, уметь, и зависит, как сложится его судьба.

– Твое время пришло, Юрган. Больше мы не будем встречаться.

Скрипучий голос Видящей нарушил тишину поляны. Вглядываясь в лица старух, Юрган поежился. Там плескалось много непонятного, от которого волосы на затылке шевелились.

– Вскоре ты узнаешь свой путь, и наши нити судеб расплетутся в вихре событий. За прошедший год ты узнал больше, чем любой не посвященный.

– Что меня ждет, ведьма?

Недовольно поджав губы, Видящая поморщилась. Но принимая выходку квадрa как неизбежную данность мужчины, только покачала головой.

– Никто больше не будет смотреть в туман твоего будущего. Там слишком много неопределенностей. Любое неосторожное слово может повлиять на принятие твоих решений в будущем, а это может помешать делам Вещего. Для ждущих своего часа три сотни лет это равносильно смертельному приговору...

– Где мне искать его, ведьма? Вы так ничего и не сказали, только все твердите о приходе, о возмездии, о справедливости. Но ни одним словом не обмолвились, ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ!!!

– Ждешь, что я тебя за ручку проведу по всей жизни? Этого не будет, – игнорируя вспышку эмоций, Видящая флегматично пожала плечами, – в мироздании нет определенности. Есть только конечная цель, а достичь ее можно множеством путей, каждый из которых требует своей платы, умения его увидеть и воплотить. Мы тебе дали знания. Умения. А дальше... А дальше делай, что можешь, а произойдет то, что угодно мирозданию.

– Много слов ни о чём, – раздраженно отмахнулся Юрган, уже смиряясь с тем, что от этих сумасшедших старух ничего не добиться.

Он хотел хоть одним глазком подсмотреть, что его ждет впереди, ведь ему было страшно. Страшно оказаться один на один с неизвестностью, а самое удручающее – не увидеть больше Деми. За прошедший год их отношения переросли в намного большее, чем просто дружба, и последние месяцы превратились в сладкую патоку насыщения и прорастания друг в друга. А сейчас предстояло расставание, и это бесило, вызывало внутри бурю протеста.

– Ладно, ведьмы, я так понимаю, помощи от вас не будет. Тогда чего мы ждем? Вы направо, я налево?

– Типичный мужчина, – хмыкнула Видящая и кивком подозвала Деми. – Ты нашла то, что я просила?

– Да. Вот он.

На протянутой ладони лежал серый камушек, каких множество валялось на дне любого ручья. Округлые края с темными прожилками чернели по краям замысловатым узором.

– Да, вполне подойдет. Что же, сестры, – коротко переглянувшись с молчавшими все время старухами, Видящая, тяжело вздохнула, – пора нам закончить плетение этой вариативности.

Деми поднялась с коленок и подошла к Юргану. Держа протянутые руки открытыми и неся на ладошках голыш, как самую большую драгоценность мира, девчонка развернулась лицом к застывшему истуканом квадрату.

А за ней возвышалась Видящая.

Не отрывая рук от плеч дрожащей как осенний лист девчонки, Видящая смотрела на мир и смотрела сквозь него. Поддерживаемая с двух сторон помощниками, ведьма зашептала слова:

– Творец мироздания, прими обращение детей своих. Откликнись на призыв о помощи. И пусть силы вселенной, несущие отпечаток воли твоей, откроют эту родовую линию и позволят помочь этому ребенку исполнить твой замысел...

Слова старухи теряли силу, и Юрган уже едва мог разобрать в шепоте что-либо, но когда он взглянул в глаза Деми, то едва смог протолкнуть глоток воздуха.

Вместо синевы глаз на него смотрели черные провалы раскрывшихся на всю полноту зрачков, и от них тянуло такой нечеловеческой мощью, что Юрган боялся шевельнуться. Ему казалось, что это нечто, смотревшее на этот мир глазами проводника, обратит на него внимание. Наградит пристальным изучением, начнет проверять, рассматривать, просвечивать, и от этого изучения от прежнего Юргана не останется и следа. Его сознание, песчинку личности просто разнесет от мощи космических масштабов, и его просто не станет.

Поддерживая дрожащие кисти девчонки всеми четырьмя ладонями, Юрган чувствовал, как той тяжело удерживать голыш. И когда трясущиеся руки заходили ходуном и вдруг разжались, он только подставил под выпавший камешек ладони.

Ледяной холод сковал руки мертвой хваткой, и Юрган закричал.

Судороги. Каждая мышца изворачивалась.

Ладони, руки, плечи, торс – все вырывалось, пыталось отбросить, отторгнуть то, что лежит на ладонях, в них сконцентрировались боль и страдания, невыносимые муки. Сумасшедший водоворот не своих ощущений буквально выворачивал сознание наизнанку, пропитывал его душу чужой болью отчаяния, обреченности и безысходности.

Юрган был одновременно умирающим от голода стариком и юнцом, чей позвоночник дробился под ударами энергокнута погонщика.

Он был мужчиной, получившим увечье на конвейере и ставшим обладателем отрицательного социального статуса. Доведенный до полубезумного состояния постоянным недоеданием, человек сдавал за каждую порцию еды большую норму пункции, что с каждым разом оставляла в нем все меньше и меньше человеческого, пока его сознание не затухло в обтянутом скелете живого трупа.

Он был матерью ребенка, комочка счастья, который она носила под сердцем, и вдруг его забирают, а ее вновь бросают в пенал без окон и дверей. Он был тем ребенком, который чувствовал последний раз биение материнского сердца. Больше в этой жизни он его не почувствует. И душа ребенка надрывалась криком протеста. Криком, который никого уже не интересовал. Но он оставлял отпечаток в ткани мироздания. Шрам.

Горный хребет, который накапливался и множился за пределом осязаемого, за границей видимого, энергией, информационным возмущением. И сейчас вселенная была готова вернуть этот дисбаланс обратно в мир. Она готова была протолкнуть его через малейшую щелочку, трещинку. И вот появилась дверь в мир – Юрган. И через него в реальность пыталось пробиться равновесие, расплата, возмездие, что ждало своего времени двести лет...

Воткнутой в сознание ледяной коготь, что разрывал образами и ощущениями чужих видений, вдруг покрылся дымкой. Откуда-то пошло тепло, что стало обволакивать сознание мягкой пеленой. Слой за слоем проникала в него тихая мелодия знакомого голоса.

Напевая мелодию из слов, что возникали в ней сами собой, Деми делилась с ним теплотой души. Отогревая сознание любимого, без подготовки коснувшегося информационной матрицы мироздания, Деми плела над рассудком Юргана сложный узор из энергетических линий.

Извлекая из струн своей души мелодию, ее сознание сплетало над любимым корсет, способный выдержать столкновение с чужими страданиями, которые будут сочтены через этот камень, въедаться в неподготовленное сознание черной тоской. Она старалась, чтобы Юрган не сошел с ума.

Именно ее защита, сплетаемая под надзором Видящей и подпиткой старших чтецов, должна уберечь любимого в этом путешествии. И потому у нее так болит душа. Ведь она отправляла своего Юргана по дороге в один конец. Но кто она такая, чтобы спорить с судьбой?

По этой причине Деми вкладывала в корсет всю себя, до доньшка, по максимуму. Дабы осталась малейшая искорка надежды, чтобы потом разгореться в пламя уверенности, что он вернется! А остальное уже будет зависеть от Юргана... И этого камешка, по сути своей уже переставшего быть речным голышом. Теперь это точка отсчета. Песчинка, которая породит лавину изменений, что погребет Осирис от полюса до полюса.

Глава 6

– Думаешь, на этот раз получится? – голос старой Ханум прозвучал сухим треском дерева, иссушенного не одним годом жизни под светом Осириса.

– Рано или поздно должно получиться, – ответила Видящая.

Принимая трясущимися руками глиняный кувшин с ледяной водой лесного ручья, старуха жадно припала к горлышку. Запрокинув голову, она глотала полившуюся воду, словно не пившая вечность. Когда пустой кувшин был возвращен стоявшей рядом старухе, Видящая наградила спросившую жестким взглядом.

– Ты видишь то, что я упустила?

– Нет, старшая, – ответила Ханум, пряча глаза в траву, поспешно склонив голову, – никто не подвергает сомнению твою силу. Из ветви нашего дерева ты сильнейшая Видящая.

– Тогда почему в твоём голосе сомнение?

– Это уже шестой кандидат. И с каждым разом прикосновение к струнам мироздания проходит все тяжелее. Боюсь, как бы в очередной раз нас не накрыло волной возмущения информационного поля, и мы бы не осиротели, лишившись яркой личности древа школы Чистого Ручья.

Не отрывая взгляда от седой макушки склонившей головы старшей среди чтецов, Видящая всматривалась и думала над прозвучавшими словами.

В словах старой ведьмы был резон. И даже больше, чем позволила себе озвучить старая перечница, всегда чопорно относившаяся к ее возне с кандидатами. Похоже, и она чувствует приближающуюся волну, вот только неправильно ее понимает. Это не волна возмущения на их прикосновение к туману будущего. Это уже струны незримого мироздания находятся в набухшем состоянии. И вот-вот может случиться прорыв: неуправляемый, страшный. Что, скорее всего, выльется в конец всего живого на этом участке вселенной. И в первую очередь для человечества. Уж слишком сильную информационную опухоль нарастили люди у этой звезды, которая полностью оправдала свое название.

– Ты видишь только гребень волны, сестра, – не желая играть в игры, Видящая обессиленно присела в тени дерева, – то, что тебя напугало, вскоре может само проявиться в нашем мире. И оно прорвется штормом, который не будет разбираться, кто прав, кто виноват. Наш кластер будет помечен как испорченный и будет очищен глобальной катастрофой. Очищен до девственной чистоты, под новый узор нитей, но уже не для людей.

– Сестра, может быть, лучше оставить как есть?

– Нет, Ханум. Если сейчас не вмешаться, то процесс станет необратим. Мы упустим последний шанс хоть как-то влиять на маятник, – бросив протяжный взгляд на спавших в обнимку подростков, даже в бессознательном состоянии не отпуская друг друга из объятий, Видящая покачала головой. – Нет, и еще раз нет. Если не можешь предотвратить явление, то лучше возглавь. Эта мудрость полностью оголяет нашу проблему. Один раз наши предки уже упустили контроль, и враги почти нас уничтожили. Едва не приучив к миске и к рабскому ошейнику. И сейчас вот они – дети, вынуждены расплачиваться за ошибки и слабость наших предков.

Бережно касаясь тоненьких косичек девочки пергаментными пальцами, Видящая убрала волосы с искаженного болью лица подростка.

– Мы не сможем ничего сделать снаружи. Все должно начаться изнутри, набухнуть и ослабнуть. Должно произойти просветление в сознании людей, и только тогда реальность начнет меняться. Только после того как каждый пожелает изменений. А пока они не отрываю головы от корытец, ни о каких изменениях, сестра, нам и не стоит мечтать. Поэтому, не жалея ни себя, ни таких вот мальчишек, у которых отберу самое ценное и погружу в клоаку,

я буду раскачивать эгрегор изнутри. Пока вот такие максималисты не встряхнут этот прогнивший мир ото сна. Именно им, кроме личного благополучия, нужны перемены. Только они смогут расшевелить это болото, растормошить гадюшник и притянуть к себе Вещего, способного спасти этот мир от гибели.

Почтительно поклонившись, Ханум присела рядом и, помогая разъединить тела подростков, тихо проговорила:

– Благодарю за откровение, Старшая. Что будем делать с девчонкой, ее миссия исполнена?

– Нет, – резко поднявшись на ноги, Видящая повелительным жестом подозвала крутившихся вдалеке младших чтецов, – ты ее возьмешь на особый контроль, сестра. И займись ее подготовкой очень основательно. Чем больше я с ней провожу времени, тем больше кажется, что это наше последнее внедрение. И вскоре нам предстоят смутные времена, в которых судьба этой девчонки послужит древу великую службу.

Глава 7

– Всем слушать сюда! Для тупых и недоношенных повторять не буду. Кто не понимает с первого раза, поймет после знакомства с моим верным помощником... господином кнутом!

Голос погонщика разносился над посадочной площадкой трубным ревом, смешиваясь с отголосками десятков таких же инструктажей.

– После прохождения капсулы биоконтроля бегом поднимаемся по трапу и занимаем любое свободное место! На проходе толкучку не создавать, башкой не вертеть, вопросы не задавать, потому что никто вам отвечать не будет! Все узнаете по прибытию на фильтрационный уровень сегмента!

Возвышаясь над притихшей толпой из растерянных подростков, сидевший на рипе погонщик наградил толпу многообещающим взглядом. Смущенно прижимаясь друг к другу, подростки пытались в толпе укрыться от пронизывающего ночного ветра, и не сводили глаз от возвышавшегося погонщика на грозном рипе.

– А если какая-то тварь все-таки решит мне доставить хлопоты идиотскими истериками или тупорылыми вопросами, а не дай Смотрящий слабости, вздумает обоссаться, не дотерпев до отхожего угла, то эта отрыжка спермотоксикоза будет вылизывать трюм вонючим ртом, пока рифленый пол не заблестит как новый!

В подтверждение слов наездника полуживой механизм клацнул стальными челюстями. Сверля потенциальную добычу оптическими датчиками, излюбленная погонщиками разновидность транспортного киба едва сдерживалась от желания размяться. Пробежаться массивными лапами по лопающимся и хрустящим телам жертв и, вдоволь утолив инстинкт убийцы, подняться в воздух на сиянии энергокрыльев.

Над площадью пронесся протяжный гул. Оборвавшись на высокой ноте, звук растаял в гуле оживающих двигателей.

На бетонной пропелешине, выхваченной из темноты множеством прожекторов, устало заворочалось что-то огромное, стальное и отгонявшее ночную свежесть маревом раскаленного нутра. Тяжелый скрип и гул множества механизмов, скрывающихся под внешним панцирем транспортного рипа, разносился над посадочной площадкой стоном тысяч тонн металла.

И когда сияние от тотема Смотрящего вспыхнуло ярче прожекторов, стальной монстр притих и покрылся десятками сияющих светом проемов.

– Все ждут моей команды, и только после того как я прикажу бежать, ваше стадо начинает движение за этими стрелками на земле. Обозначение нашей группы это красный треугольник и три синих шара внутри. Вы должны исполнять все команды световых указателей именно с этим символом. Запомните его, и чтобы даже ночью смогли опознать его среди символов других групп. Все ясно?

Нестройное блеяние было прервано громовым ревом:

– Не слышу!

– Да, мастер боли! – почти в унисон ответили подростки, собранные со всех ясель. Не различая своего голоса, Юрган стоял вместе со всеми и, едва понимая, что происходит, был как в тумане.

В голове крутился калейдоскоп из мыслей, смутных образов и каких-то звуков. Больше всего почемуто помнился вечер у костра. Когда сидели только старшие подростки. Рядом крутились какие-то улыбчивые незнакомцы. Дальше был блеск новых шунтов, вновь фальшивые улыбки и полное равнодушие во взглядах.

А дальше короткая вспышка боли в затылке и неземное блаженство во всем теле. Оно было везде и во всем, но в голове звенело и трещало. Сквозь отступающую эйфорию, что застилала глаза туманом, он начинал чувствовать холод ночи и боль.

На теле алели свежие рубцы от энергокнута, в раскалывающемся затылке он нащупал выступающий набалдашник какого-то устройства, а в сознании крутились последние слова Жабы: «Прости, но так нужно...» И только сейчас он стал понимать, что ничего веселого в первой пункции и в забавных дядьках и милых зверушках нет. Что лопнувший, как перезревшая ягода, череп Горбыля на Посвящении был не веселым событием, а несчастным случаем от нештатного срабатывания нового инъектора. И только сейчас стало доходить, что это не смешной сон, и что он больше никогда не увидит и не услышит веселый гогот нескладного минимала...

– Чего застыл? Вперед, сучье вымя!

Пронзительный свист и обжигающий удар по плечу вывел Юргана из ступора. И сработавшие рефлексы бросили тело вслед за белевшей впереди спиной минимала с выбритым затылком и блестящим в темноте новым имплантатом.

Перебирая ногами по светящейся на земле ленте, Юрган пытался вытряхнуть из головы остатки эйфории и разобраться с ощущениями.

Туман в голове стал таять, и окружающий мир обретал пугающую четкость. И чем больше Юрган бросал взгляды по сторонам, тем больше ему не нравилось увиденное. С памятью творилась какая-то беда, и постоянная боль в висках не давала разобраться, что именно не так, но он точно помнил, что такого не было в рассказах матерей и фильмах с наставлениями Смотрящего.

Можно, конечно, все списать на уставших и раздражительных погонщиков, от ночной смены ставшими такими щедрыми на свист кнутов, но как объяснить живописные картины у трапов?! В стороне от беговых маршрутов с бледными юнцами валялись тела корчащихся в агонии подростков. Стараясь избавиться от боли, мальчишки разевали рты, как выброшенные на берег рыбы, едва не выдавливая себе глаза, пытаясь избавиться от распирающей голову боли. Но больше всего пугали люди в серых тогах с мертвым выражением лиц. Они молча стояли над корчившимися подростками и ждали. И только изо рта очередного несчастного начинала идти белая пена, безвольное тело хватало за что придется и увлакивали к темным провалам в брюхе транспортника.

В голове вдруг проступило неожиданное прояснение сознания и всплыло объяснение. Кто-то ему объяснял, что это последствия неправильной настройки имплантата. Чужеродная механика не всегда может настроиться на единый биоритм с мозгом донора. И у такого несчастного теперь каждая откачка излишков серого вещества будет происходить с приступами. И настанет момент, когда кто-то сломается. Или имплантат начнет спонтанную откачку мозгового вещества вместо излишков, или несчастный разобьет себе череп после очередной пункции. И самое страшное было в том, что уже ничего не исправишь. Перестанешь делать пункции, плотность постоянно растущего кортекса будет увеличиваться с каждым часом. И спустя двадцать четыре часа ты будешь готов сам вскрыть себе череп обо что угодно и как угодно, лишь бы избавиться от внутричерепного давления.

И свой вопрос он тоже помнил. Тогда он удивился, почему не придумают вакцину от болезни, на что был ответ: «Кортекс».

Семь букв, в которых крылся смысл жизни уроженца Осириса. Семь букв, от которых зависела продолжительность жизни человека. В них кроется могущество «небесников» и проклятие коренных жителей планеты.

В структуре этого биологического вещества, щедро вырабатываемого корой головного мозга коренных уроженцев Осириса, была самая высокая концентрация свободных нейронов. Основ разума, кирпичиков, с которых начинается возведение здания интеллекта. А при

развитых технологиях тот, кто сумел поставить на поток разработку и изготовление основных компонентов кибернетических организмов, становится буквально обладателем неисчерпаемого источника богатства. А все остальное превращается в издержки, производственные потери и накладные расходы.

Хотя Юрган и не понимал половины значений всплывших в памяти объяснений, словосочетание «производственные потери» почему-то прицепилось к языку и вертелось дурацкой каруселью, пока он не уткнулся в яркий проем тамбура.

По глазам ударили лучи света. С легким хлопком к лицу присосалась склизкая маска. Болезненное светопреставление до слез, и по ушам ударил командный рык:

– Следующий!

Отойдя в сторону, Юрган проморгался. В небольшом тамбуре всех входящих встречала странная процессия. Особенно выделялся переросток, отдаленно напоминавший лесного муравьеда. Нетерпеливо перебирая короткими сегментированными ножками, вытянув длинный нос, венчавшийся полупрозрачным материалом, полуживой механизм тыкался в лица всех входивших.

А рядом сидел в кресле погонщик в сопровождении кибов, модели которых Юрган раньше не видел. Сидевшие на четырех лапах стальные монстры походили на ворков, то только вместо черной лоснившейся шерсти, эти наборы когтей и зубов скрипели чешуей и внимательно следили за входившими в тамбур.

– Следующий! – каркнул человек с татуировками во все лицо и заплетёнными в тугую косу волосами. Мазнув по очередному подростку в красной робе равнодушным взглядом, развалившись в кресле погонщик больше следил за скрытой проекцией.

И только Юрган собрался проходить мимо, как один из киборгов вдруг перегородил дорогу. Оскалив пасть, изготовился к прыжку, с прицелом вцепиться жертве в незащищенное горло.

Подняв пустые руки, Юргана застыл каменным изваянием.

– Эй, мясо, выворачивай карманы комбеза... – удивленно-заинтересованно сказал погонщик, подымаясь с кресла и распуская энергокнут.

Когда на металлический стол досмотра вывалились шнуры резко пахнувшей биомассы, погонщик поморщился. Брезгливо вороша кончиком кнута кучу быстро портящейся биомассы, обломков пластика желтого контейнера, деревянных фигурок, удивленно задрал бровь, когда что-то брякнуло о металл столешницы.

Взяв в руки серый окатыш и проверив тот на щупе универсального диагноста, безразлично отбросил его в кучу.

Отвесив киборгу, вызвавшему тревогу увесистого пинка, уселся вновь на кресло со словами:

– Проваливай. Следующий!

Бегущий по земле огонек с символом группы провел его по темным коридорам в такое же мрачное помещение. Весь трюм был поделен на множество клетушек. В каждом секторе были установлены стальные лавки с откидывающимися спинками, а по углам блестели металлом отхожие места, от которых несло такое амбре, что глаза едва не слезились от смрада.

А на верхнем ярусе прохаживались погонщики. С лентой посматривая на подопечных сквозь стекла кислородных масок, блюстители порядка даже не активировали кнуты. Их охраняли выведенные на полную мощность энергетические поля, искажающие воздух мерцающей рябью. Здесь и одного взгляда вполне хватало, чтобы даже и не думать о штурме барьера.

Окинув взглядом забившихся по всем щелям подростков, Юрган хмуро усмехнулся. Пройдя к стене, выбрал себе место и, прикрыв глаза, облегченно откинулся на стену.

По его мнению, предосторожности погонщиков были ни к чему. Все были настолько растеряны и подавлены, что буяннить ни у кого и мыслей не было. На всех лицах читались потуги понять, что вообще произошло, где они оказались и чем это грозит.

Висело тяжелое молчание, изредка нарушаемое короткими перебранками, когда кто-то оттапывал ноги пристроившимся поближе к шахтам воздуховода.

Лишь по истечении часа, как вся их группа оказалась внутри секции, народ стал оживать. Нет-нет стали звучать нервные смешки, и тихие разговоры, больше сводившиеся к потугам понять, где они и что их ждет в ближайшем будущем. При этом не забывая поглядывать на соседей, определяя, кто чего стоит.

– Ну и как первые деньки взрослой жизни?

Раздавшийся вопрос сочился ехидством, в котором пряталась немалая доля растерянности. Рядом стоял минимал со всклоченным чубом и криво сросшимся перебитым носом. Очередная вспышка боли в висках, и Юрган вспомнил говорившего. Этот проныра был котловым. И несколько раз они пересекались в одной задаче.

– Бывало и хуже. А ты чего такой довольный?

– Так тебя встретил... чем не радость-то?

– Нашел чему радоваться...

– Не скажи, – усаживаясь рядом, минимал довольно улыбался, – харю мне шлифанули в той свалке на горе. Ну, когда ты один устоял на ногах. А ведь тогда был сильный замес. Косматые, Шелудивый, та же тварь Краб... И только ты один устоял на ногах. И когда я тебя увидел, сразу себе сказал, если хочешь выжить, держись квадра, не пропадешь...

– Тут еще неизвестно, где лучше быть... – криво усмехнулся Юрган, из-под опущенных век осматривая распределившихся по группам подростков. – Вспомнил тебя. Ясли Зеленого дерева. Вы всегда стартовали с правой стороны.

– Точно! Зеленый я... Вот ведь память. А у меня до сих пор в голове каша. Тут помню, тут не помню. Дурь какая-то... Я всегда говорил, что квадры это сила...

– Хватит подлизываться, чего хотел?

Заткнувшись на полуслове, минимал ревниво огляделся.

– Хочу быть в одной упряжке с тобой, Свирепый. Чую, ждут нас далеко не горы биомассы, а море дерьма. А с твоей силой да моим чутьем не пропадем...

– Ая-яй. Какой непослушный мальчик. Матерей не слушает, крамолу повторяет...

– Еще скажи, что сам не нарушал заповедей Смотрящего. Впору думать, что схватки у котла отбили кому-то всю голову, – проворчал Лари, не сводя с квадра цепкого взгляда. – Чего молчишь? Скажи, что чтишь заповеди и восхваляешь Смотрящего перед каждой пайкой...

– Дурацкая шутка.

– Фух, напугал. Я-то уж подумал, что ошибся... Ну так что насчет моего предложения?

– Держись рядом, присмотримся, притремся, глядишь, чего и выйдет...

Следующий час был занят болтовней Лари, который почему-то решил, что Юргану непременно стоит узнать историю недолгой жизни минимала. При полном безделье квадрат откинулся на стену и под гул вентиляционной шахты и убаюкивающий треп товарища попытался разобраться с мозгами.

Все, что было после погрузки в риппер, он смог вспомнить в мельчайших деталях. А вот что было до того, как он пришел в себя от пронизывающего ветра. Все было обрывками и смутными образами...

Обжигающее горло поило в глубоком стакане и скучающие глаза человека в сером халате, что раскладывал большой черный саквояж и нетерпеливо брэнчал блестящими железяками.

А дальше туман и состояние эйфории. Вспышка боли в затылке.

Свист энергокнута, пинки погонщиков, собирающих глупо хихикающих юнцов у тотема Смотрящего, и медленное пробуждение уже в другой реальности.

И где же «строгие, но справедливые», что всегда помогут «базику» найти хорошее место в самом лучшем мире под звездами? И где же «достойные условия» новой жизни? Где «добрые и отзывчивые», что с радостью придут на помощь в любом вопросе?

В памяти вдруг возник образ старухи с косичками, с горечью убеждавшей упертого квадра в крамольных вещах, за которые старшие матери наказывали сутками в яме с червями...

«Небесников интересует только кортекс. И пока собираемость сырца в норме, жизнь дикарей и законы Смотрящего никого не волнуют. И если умрет одна-другая тысяча доноров, это легко компенсируется увеличением нормы пункции.

Смотрящему плевать, сколько подохнет людей от бракованного имплантата. Родильные фабрики никогда не опустеют. Стоит всего лишь добавить возбуждителя в биомассу, и через год рождаемость подскочит в разы.

Знай, только грамотно распределяй доноров по муравейникам и промзонам сектора. Ну а для совсем критичного случая просто увеличивают дозу наркотика в инъекторах. Слабые волей до последнего вздоха выкачивают из себя кортекс добровольно.

Получаешь увеличение смертности, но при этом увеличивается поток кортекса. И функция Смотрящего выполнена. И объемы увеличены. И поголовье доноров колеблется в пределах нормы.

Главное, чтобы на фабриках всегда был сырец для интеллектуальных модулей. Ведь без них не сойдут с конвейеров миллионы кибернетических механизмов, без них не будет продаж, не будет постоянного спроса на продукцию Стаи Серого Льда.

Изготовление полуживых кибернетических организмов было, есть и будет основой мощи небесников. Именно технология изготовления дешевых “мозгов” для кибов, далеко превосходящая аналоги далекой Федерации Корпораций, служит основой могущества Стаи, что уже второй век как забросила кочевой образ жизни и приросла раковой опухолью на Осирисе...»

– Юрган, проснись, тут поговорить хотят.

Встретившись взглядом с мрачным Лари, он покосился на высившуюся рядом парочку. Цепким взглядом охватив толпу зрителей позади, Юрган усмехнулся.

Здоровые и рослые квадры сверлили его взглядами, полными превосходства. Ведь их двое, за спиной шумит толпа подручных, желающих зрелища и крови двоих выскочек, что заняли лучшие места у воздуховода.

– Слышишь, квадрат, а не слишком много места под тобой? Думаю, ты и твоя подружка обойдетесь меньшим куском и в другом месте. Ведь Смотрящий завещает довольствоваться малым, так что придется по...

Юрган знал, чем заканчиваются обращения к заповедям, и не стал ждать окончания.

По сути, это приговор. Их всего двое, да и на показательной расправе можно хорошо самоутвердиться. Желательно с кровью и фаршем, а напуганные акцией сокамерники постелятся в нужную для победителя сторону. Но незнакомые ребята не учли одного. Юрган был котрчим. А у котла приходилось биться и не при таком соотношении.

По телу пробежала волна жара, и азарт предстоящей схватки пробудил дремлющего зверя. Реальность проступила четкими деталями, и в тоже время отделилась пеленой неестественности происходящего.

– Слишком много разговоров...

Рывок с места и кулак впечатался в грудину первому квадр.

Второй кулак полетел в голову, а нижняя пара рук уже отработала связку смачных ударов по печени и пояснице. Нырять в сплетение ударов противника, который запоздал с атакой всего на доли мгновений, Юрган поднырнул под оседавшего противника. Перехватив тело под пах, одним рывком вздернул над головой квадр, с ревом выбросил заверещавшую фальцетом тушу на столпившуюся свору.

Падая от прилетевшего груза, толпа зрителей превратилась в кучу-малу бестолково орущих и ругающихся придурков. А вот напарник летуна успел увернуться от пролетевшего рядом снаряда и уже был готов нанести серию калечащих ударов по открывшемуся корпусу одиночки.

Хлесткий удар со стороны и мелькнувший молнией блик пришелся по лицу атаковавшего квадр. Одно мгновение и кожа на лице противника разошлась на месте длинного пореза. Лицо противника превратилось в кровавую маску. Боль и шок заставили квадр шагнуть назад, чтобы перегруппироваться и встретить нового противника обороной. Но появившийся из ниоткуда минимал не собирался атаковать. Стремительно раскручивая в руках кнут, возникший из ниоткуда, Лари отпрыгнул в сторону и, прижавшись к стене, стал ждать развития событий.

Не раздумывая, Юрган воспользовался заминкой и смял противника серий нокаутирующих ударов.

Победно оскалившись, Лари залихватским хлопком остановил вращение самодельного хлыста. Разматывая перекрученные лямки от комбеза, пропущенные через набор непонятно откуда скрученных колец, минимал освободил ремни. Подбросив в руке заточенные до остроты крепления от сидений, Лари довольно улыбался.

– Зелень малолетняя. Сразу видно, что ни разу в раздачу не ходили, – по-хозяйски осмотрев притихших зрителей скоротечной расправы, буднично стал вправлять окровавленные ремни обратно в комбинезон, – ну что, Юрган, будешь стаю учить или отдашь мясо в руки придурков?

Глава 8

Вглядываясь в блики на кончиках сапог, отражавших потолочные светильники, Корвин развалился в позолоченном кресле. Забросив ноги на безумно дорогой стол, он играл носком в такт звучащим словам доклада. Звонкие слова зама звучали ровно, заученно и произносились без запинки... и это почему-то злило.

Корвин не мог понять, что именно раздражало. Почему-то казалось, будто стоявшая перед ним подчиненная, поевавшая его взглядом полной преданности, умудрялась над ним издеваться.

Черный сюртук дознавателя службы Надзора сидел на ней безупречно. Все знаки различия, голограммы принадлежности службы, табельное оружие, даже ребра второго экзоскелета, все было выверено до миллиметра и блестело безукоризненной полиролью. И даже суровый металл казенного экзоскелета, по сути несшего только функции предохранения от гравитационных сюрпризов, умудрялся подчеркивать соблазнительные формы докладчицы.

– ...таким образом, служба контроля репликатора рода Мерлан-Хан отгрузила на склады партию боевых кибов третьего класса. Полностью снаряженные к бою машины были транспортированы на астероидные склады и сданы на предпродажное хранение. Согласно регистрационным данным, охрана не имела права проверять статус владельцев, поэтому контейнеры пролежали до первых погрузочных работ ни разу не проверяемые. И как только произошел гравизахват погрузчиками Бродяг, боевые модули восприняли как активацию программы десантирования...

Корвин ободряюще кивал и соглашался. Предыстория была известна и без слов безродной, что и в этот раз старалась, рыла землю носом, пытаясь наскрести хоть какие-то крохи информации там, где уже давным-давно подчищено, подогнано, сфабриковано лучшими виртэкспертами влиятельного рода. Грызня между древнейшими родами за хорошие сделки могла принять и не такие формы и масштабы, да вот только вряд ли его отделу оставят хоть одну ниточку улики. Скорее всего, их искусно направят на ложный след. И ищейки Службы Надзора наткнутся на трупы исполнителей, или, еще хуже, если их используют как орудие давления, и они со всего размаху влетят в паутину межродовой вражды. Тогда только держи уши торчком, а зад поближе к земле, чтобы не влипнуть на раскаленную сковородку разборок...

Но на фоне мыслей о работе Корвин больше был занят своими мыслями. Ему не давала покоя утечка информации и, как следствие, проигрыш на Арене. Он искал следы, любой намек о том, как его вычислили, как смогли просчитать. Ведь с такой дырой в заборе не имело смысла даже думать об успешном противостоянии братьям.

И он искал. Он проверял всех. Даже просвечивал на мнемоскане рабов, не говоря о том, что перетряхнул мозги всем кибам домашнего пула, но нигде не было ни следа подозрительного программного кода, не говоря даже о намеках на вмешательство.

Все его слуги были проверенными рабами, со стажем непрерывного контакта с домовым интеллектом, уже на протяжении трех лет, а для шунтированного сознания это срок приличный. И даже малейшее прерывание контакта оставило бы огненный след в сознании раба. Он проверил каждую строчку логов. Все было чисто.

Оставалась только работа. Потому что, кроме дома и службы, третий сын рода Мерханов нигде не бывал продолжительное время. Нет, он, конечно, показывался на официальных светских раутах, которые по статусу должен был посещать не реже двух раз в году, но неофициальные сборища молодежи, наследников родов были ему не только не по карману,

но и не были интересны. Он не понимал, зачем тратить столько времени на танцы, наркотический угар, на кровавые развлечения сверстников.

Ведь это время можно было потратить на самосовершенствование. Взять и разобраться в сплетении махинаций. Азарт, охватывающий тебя, когда идешь по следу преступника, сродни оргазму. Ты преследуешь жертву, она изворачивается, путает след, маскирует свои делишки под благовидные вещи. Но ты с упорством ищейки распутываешь клубок загадок, сопоставляешь улики и пытаешься угадать ход мыслей преступника. Чтобы в один прекрасный момент прижать того к стенке, сомкнуть на горле беспомощной жертвы челюсти и почувствовать мгновения всевластия! Эти краткие мгновения, когда в глазах преступника покорность и преклонение перед тобой, стоят затраченного времени, бессонных ночей, мозговых штурмов до головных болей, изжоги от стимуляторов. Это была его жизнь. Ради этого Корвин готов был пропадать на службе днями и ночами.

Он отдавался ей полностью. С утра до вечера просиживал на быстро пустеющем уровне службы надзора и всегда у него находились дела. То необходимо было провести ревизию в служебных хранилищах данных и проконтролировать службу технического контроля. То определить виновных в халатном отношении к служебным обязанностям да выписать имена нарушителей в ежедневный рапорт по службе. Или разобраться в хитросплетениях очередной экономической диверсии на орбитальных заводах и, пользуясь случаем и служебным допуском, поковыряться в бездонном информационном хранилище службы.

Зачастую он ловил себя на мысли, что однообразные стены уровня службы роднее, чем непозволительно высокие для космической станции арки сегмента рода Мер-Хан.

И тем больше была мысль, что ему могли нанести удар в спину с направления, которое он считал своим крепким тылом. И сейчас он пребывал в смятении. То, что Корвин считал своей вотчиной, вдруг стало опасным местом, зарослями, где притаился коварный враг. Пригретая змея, ждущая удобного случая для броска. Но кто?!

Корвин бросил косой взгляд на присутствующих живых подчиненных. В этот раз он решил не доверяться проекциям призраков, а ощутить дыхание и услышать голоса вживую, не через призму программируемых фильтров, а вот так: нос к носу, глаза в глаза.

Весь отдел стоял перед ним навтыжку. Все четыре заместителя были в ранге супервайзеров. У каждого в подчинении еще три ищейки из безродных, не ниже третьего уровня, все проверены как внутренней службой Ока, так и самим Корвиным не один раз.

Конечно, руководитель отдела не мог просто так просветить супервайзеров на мозгокруте. Но как это облегчило бы задачу поиска черной кошки в темной комнате. Если бы еще точно знать, что кошка именно тут. Остается пробовать простым перебором и тыканьем пальцем в звезды. Вдруг повезет, и, посмотрев кому-то в глаза, он поймет мотив и что руководит пригретой змеей.

Отбросив тяжелые мысли, Корвин резко поднялся из-за стола. Пройдясь перед строем замерших соляными изваяниями подчиненных, он заглянул каждому в лицо.

В глазах подчиненных читалась исключительная преданность, желание рыть землю носом, найти и покарать всех врагов Стаи! Хоть пиши голопортрет и развешивай на агитационных плакатах в нижних уровнях звездных городов. Особенно с Берга.

Этому бравому громиле явно надо было появиться на свет в каком-нибудь знатном роду. Массивная фигура с повадками бойца, выросшего на уровнях, где вначале грабят, а если у тебя ничего нет – то просто выпотрошат на органы. Этот хищник был готов ко всему. И сейчас сверлил пространство перед собой бравым взглядом преданного служаки. Но руководитель ячейки силового прикрытия был далеко не таким простым, как хотел казаться. За ширмой бравады скрывался изощренный ум. Другие в службе не выживают, вернее, не поднимаются по карьерной лестнице. А этот уже третий год проходит аттестации и подтверждает свой статус.

Берг не подходит. Его стиль – открытое боевое столкновение. А здесь все было сделано значительно тоньше. Да и при всем желании, даже сумев вычислить своего шефа, слив информации не дал бы Бергу никаких дивидендов. Если вскроется, что это Берг, тому останется жить буквально до очередной аттестации, которую тот завалит со стопроцентной вероятностью. А там депортация на нижние уровни с присвоением отрицательного статуса. И всё. Берг теряет всё из-за возможности просто осложнить жизнь шефу. Нет выгоды – нет смысла в интриге.

Клаус. Этот бледнолицый выходец из самых нижних уровней мог бы, конечно, проследить его ковыряния в вирте... Но вряд ли бы стал этим заниматься. Дотошный формалист, виртэксперт отдела интересовался исключительно пребыванием в вирте. Все внутренние интриги отдела и даже внешние интересовали его только под углом технического исполнения. Если там не было головоломки из нештатного поведения электроники и механики, это превращалось для него в неодушевленный предмет, например, в стену, на которую стоит обратить внимание только для того, чтобы не стукнуться лбом.

Мейкун-счетовод. Маленький, со сморщенным желтоватым лицом и раскосыми глазами. Финансовый аудитор был еще той шкатулкой с секретами. Стоит присмотреться к нему повнимательнее. Ведь он выходец из набиравшего силу рода Тянь-Хан. На заре становления Стаи этот род был одним из столпов и претендовал на первые места в Столпах Стаи. Однако после одного кровопролитного сражения, когда еще стая кочевала среди звезд отдельными кораблями, флотилия рода Тянь-Хан угодила в хитроумную ловушку врагов стаи. Из того ожесточенного боя удалось вырваться только несколькими громадными кораблями, переполненными детьми и женщинами.

Почти вся мужская часть рода полегла в той битве с неизвестным флотом. Корабли стаи сразу же нырнули на помощь флотилии, но в системе красного карлика среди плотных потоков астероидных полей они застали только груды обломков.

Флотилии одного из столпов стаи больше не существовало. Враги выгребли все подчистую. Все, что могло быть полезно в переплавке, переработке и было крупнее тонны – исчезло, а оставшаяся труха уже не представляла никакого интереса для перерабатывающих орбитальных комплексов и верфей Стаи.

Сокрушительный удар неизвестного врага убрал некогда могущественный род с первых ролей в политической жизни Стаи.

Но сейчас, насколько Корвин помнил аналитику личного дела Мейкуна, род Тянь-Хан возрождается и карабкается вверх всеми доступными путями. Пытаясь вернуть былое могущество, не гнушается участвовать в сомнительных делишках и вообще не брезгует ничем. Просчет и слив информации по Корвину для них просто детская шалость. А тут и мотив появляется. Ослабление позиций руководителя отдела, с последующей дискредитацией и выдвижение своего представителя.

Не ахти какая логичная мысль, но в ней что-то есть. Наградив напоследок тяжелым взглядом стоявшего навтыжку супервайзера, Корвин шагнул за спину продолжавшей доклад девушке. Тихо подойдя вплотную, едва не касаясь стройной фигуры, обтянутой в черноту эластичного костюма, он вдохнул тонкий аромат, исходивший от волос, туго собранных в стильную прическу.

Зельма. Очаровательная, умная, целеустремленная... стерва. Хватка, как у стальных челюстей боевого киборга. Если зацепит улику хоть на миллиметр, выдернет весь ворох фактов и событий. Не жалеет ни себя, ни подчиненных. Ломает характеры под свою методику работы. Жесткими требованиями и изощренной системой наказаний заставляет выворачиваться людей наизнанку. Уже сменила полный третий состав своих подчиненных. Сейчас возглавляемый Зельмой отдел оперативной работы представлял собой трио таких же холодных стерв, преданных своей хозяйке до мозга костей. Такую преданность Корвин видел

только в глазах шунтированных рабов, готовых выполнить любой приказ хозяина – хоть вспороть себе брюхо с улыбкой счастья на губах.

– ...Из заключения экспертов и обследования обломков киборгов, что выдержали залпы бортовых орудий Бродяг, нам удалось найти следы последнего биокодирования. После анализа стандартными процедурами, по остаткам информационных ячеек, мы могли только диагностировать полное разрушение боевого программного модуля. Но после того как над останками потрудились мои подчиненные, мы установили номер конвейера сборки. Он отличается от регистрационных меток в сопроводительной документации. По горячим следам удалось установить, что боевые модули в эту партию киборгов устанавливались не производителем. Они были заменены на сторонние разработки, что, внешне и по стандартным процедурам, определялись как родные.

Прерывая театральную паузу, наполненную триумфом, Корвин буквально над ухом подчиненной резко спросил:

– Вы будете продолжать доклад или устраивать угадку?

Едва не дернувшись от неожиданности, Зельма сбилась с четко поставленного голоса. Пытаясь вновь вернуть сталь в голос, поспешно добавила:

– Подделки были изготовлены на поверхности Осириса в четвертом секторе второго материка. Завод контролируется Смотрящим Вороном.

– Кому принадлежит сектор?

– На данный момент сектор поделен на зоны влияния между тремя крупными родами Стаи. Завод производитель модулей контролируется новой бандой сектора. Они не имеют родовой принадлежности. По ней вообще мало данных, – Зельма на миг задумалась и нахмуренно добавила: – Для того чтобы проследить дальнейшую цепочку, нам необходимы данные с поверхности. Вы знаете, как мясники относятся к обмену информацией между отделами.

Корвин поморщился.

Биоконтролеры были самым большим отделом службы надзора и отвечали за контроль над поведением и численностью неинициализированных особей. Так сказать, сырого материала из коренных жителей Осириса, что, дожидаясь своего часа, трудились в промышленных конвейерах секторов или в так называемых контролируемых зонах свободного поселения. Именно в этих зонах и творились те непотребства, за что эти хмурые громилы, сторонившиеся всех контактов вне отдела, назывались «мясниками». Именно они управляли потоками переселения мяса с поверхности и распределения их по орбитальным заводам, космическим верфям и астероидным добывающим комплексам с последующим глубоким шунтированием обреченных.

А регулировали «мясники» своих подопечных такими методами, от которых даже повидавшие немало кровавых реалий жизни силовики бледнели и теряли аппетит. Поэтому отношение к ребятам в серой форме, с черными эмблемами кусающей себя за хвост змеи, граничило с брезгливостью и опаской. Как к свирепому животному. Преданному, но от вида которого стыла кровь в жилах. Ведь никто не знает, что творится в головах тех, кто способен утопить всю планету в крови, если поведение аборигенов выплеснется за четкие границы контроля.

Представив, как придется идти на прием к коллеге такого же ранга, как он сам, смотреть в невыразительные глаза и просить доступ к внутренней информации биоконтролеров, Корвин внутренне поморщился. И еще не факт, что после дурацких вопросов, уточнений и анализа прошения он получит этот допуск. Ведь что-что, а информация всегда являлась хорошо оберегаемым товаром. И его обращение приведет в действие огромный маховик сложных взаимоотношений. Пока аналитики присвоят статус его запросу, пока их коллеги

разработают аналогичное встречное предложение по обоюдно выгодному ответу, пройдет не один суточный оборот Тысячи Городов. А в данном вопросе медлить нельзя.

Как бы Корвин ни кривился, цепляясь к Зельме, но она умудрилась зацепить действительно стоящую улику. Шутка ли, ухватить остатки реального программного кода, сохранившегося только в глубинах нейронных связей. Можно смело сказать, что этой выскочке удалось поймать удачу за хвост. И если бы она промедлила хоть на час, то в информационном носителе растаяли последние следы и отдел вновь бы остался ни с чем.

Но если они сумеют раскрутить цепочку и выйти непосредственно на заказчиков, то тут открываются немалые перспективы, особенно для Корвина.

Эта диверсия на складах готовой продукции является отголоском напряженной борьбы родов Стаи, а судя по размаху и стоимости ущерба, противостояние уже переходит в горячую фазу. И здесь можно погреть руки, если например, с полным набором улик сделать выгодное предложение виновнику. Тогда можно получить немалый бонус для себя за пустяковую услугу, всего лишь развалить дело и случайно уничтожить улики.

Улыбнувшись внутренним мыслям, Корвин вдохнул полной грудью. Замаячившие вдалеке золотые горы поманили солидным кушем и легли неплохим бальзамом на душу, внутри которой все еще саднила рана от провалившегося боя на Арене.

Но сейчас, глядя в глаза Зельмы, он впервые за три года совместной работы увидел в ней не только исполнительного зама, но еще и очень привлекательную девушку. Подтянутая фигура просматривалась даже сквозь второй экзоскелет манящими формами, а в дерзком взгляде было то, что его всегда манило. Независимость, сила и дерзкий взгляд безродной пробуждал в нем зверя, что, ломая все препоны и клетки, начал рваться наружу сквозь прутья доводов и здравого смысла.

Пытаясь стряхнуть наваждение, Корвин вернулся и сел за стол.

В кабинете все еще звучали строчки доклада, но Корвин уже не слушал.

Все внутренние силы были направлены на то, чтобы унять разбушевавшегося внутри зверя. Сдерживая желание наброситься на женскую грудь, впиться в податливые формы зубами, прокусить, ощутить соленый вкус крови и задохнуться от терпкого запаха горячего тела. Весь этот коктейль ощущений ударил в голову и смел все барьеры один за другим.

– Общее совещание окончено... – на остатках самообладания проговорил Корвин. Вцепившись в подлокотники руками, едва не вырывая пластик с металлическими набалдашниками, выдал: – Все свободны. Свои мысли и соображения подать в виртдокладах к вечернему... Нет, к утреннему совещанию. Все вон!

Выходя из кабинета последней, покачивающая бедрами фигура вдруг остановилась, и, обернувшись, очаровательные губки произнесли трепетным голосом:

– Господин группмастер, я еще не озвучила самого главного...

– А с тобой сво... лейтмер третьего уровня, будет отдельный разговор, – прошипел сквозь зубы Корвин.

Нащупав трясущими пальцами на подлокотнике кресла рифленые клавиши, активировал систему безопасности кабинета. Подчиняясь электронным импульсам, электронные системы безопасности кабинета принялись за отработку программы боевой тревоги желтого уровня.

Панорамные окна кабинета потеряли прозрачность и, наливаясь серой тяжестью, превратились в плиты из огнеупорного стекловолокна. Воздуховоды заработали в усиленном режиме, полностью перейдя на внутренний контур, отключились от воздушной системы отдела. В воздухе запахло озоном.

Из ниш кабинета выскользнули два тяжелых киборга. Один застыл с активированными оружейными комплексами, готовясь отразить любое нападение со стороны дверей, что еще сохраняли прежний вид створок. Но спустя несколько секунд на их месте выросла стальная

плита с узором энергоконтура высокой защиты, сияющая зеленым светом, способная выдерживать несколько залпов масдеграва.

Второй стальной телохранитель взял на прицел незарегистрированного посетителя. Не сводя с опешившей Зельмы раструбов четырех плазменных излучателей, которые едва не опаляли спину цели сиянием энергокапсулы, отслеживал каждое движение. Полностью активированные системы оружейного комплекса и защитные системы говорили об одном, киборг был уже в автономном боевом режиме. Не дожидаясь команды, в случае резких действий готов был сгустками плазмы превратить нарушителя в пепел.

– Группастер, я не понимаю...

– Ах, не понимаешь, похотливая дрянь... Сейчас поймешь, сейчас, – прошипел Корвин в ответ на лепет забывшей, как дышать, девушки.

Нащупав подлокотник, группастер коснулся скрытых клавиш. Из задней ниши с легким гулом створок выскользнул лекарь. Человекоподобная фигура мобильного медицинского киборга с множеством манипуляторов заслонила пациента от всего мира широкой белой спиной. Спустя пару минут, наполненных шелестом и шлепками пневмоинъекций, киборг отступил в сторону.

– В крови обнаружены активные химические соединения неизвестного препарата. Следы концентрации показывают проникновение возбудителя через верхние дыхательные пути, – прозвучал синтезированный голос медицинского эскулапа. – Произведены инъекции блокады, но соединение агрессивно и продолжает воздействовать на организм. Рекомендуются произвести полную процедуру очищения крови. А также обратиться в службу поддержки для внесения в базу данных неизвестного вещества.

– Теперь тоже не понимаешь?!

– Я не понимаю, господин...

Стоя под прицелом телохранителя, Зельма боялась пошевелиться. На лбу выступила испарина, в широко распахнутых глазах испуг, накусанные губы покраснели, а мелькнувший язычок, слизнувший капли пота с верхней губы, разбил восприятие Корвина вдребезги.

Красная пелена накрыла Корвина, и барьеры разума смялись под вырвавшимися на волю гормонами.

Потеряв над собой контроль, он с рычанием вскочил с места и набросился на девушку.

Схватив за отвороты кителя, впечатал перекошенную морду в испуганное лицо. Вглядываясь в зелень бесстыжих глаза, прорывал:

– Я тебя порву, сука, потом... а сейчас ты получишь то, что заслуживаешь!!!

Зверь вырвался наружу, и Корвин потерял контроль над происходившим. Все дальнейшее он помнил обрывками.

Треск разрываемой ткани. Хлесткие пощечины по белой коже, что так возбуждающе наливалась краснотой. Крики боли звучали, как музыка, от которой душа пела и тело наливалось силой. Запах распаленной плоти и вкус пота.

И глаза. Зеленые глаза, полные боли и слез, но там, в глубине, внутри сиял страх, и это заставляло рычать и овладевать податливой как воск жертвой много раз.

Безумие слилось в карусель образов и звуков боли. Напряжение и яркость сломали разум, и тело провалилось в спасительную черноту беспомощности.

Пробуждение было мучительным.

Болела каждая клеточка организма. Во рту плескался резкий химический привкус, а сердце стучало, как раздолбанный в хлам механизм.

Открыв глаза, Корвин уперся взглядом в окровавленное нечто. Поежившись от прохлады собственного кабинета, отрезвляющим сквозняком климатических установок холодивших спину, Корвин с недоумением осмотрел собственные руки и засохшие потеки крови.

Но когда в памяти всплыли последние эпизоды жизни, он мучительно застонал:

– Проклятье... Только этого еще не хватало.

Поднявшись с пола, он с опаской перевернул избитое тело. Назвать лицом сплошной синяк с кровоподтеками и гематомами, в который превратилось лицо Зельмы, можно было с большой натяжкой. На полу кабинета, среди обрывков черной ткани и частей экзоскелета, пытаясь подняться, избитая, ободранная, словно побывавшая в когтях дикого зверя, девушка жалобно скулила и что-то бормотала.

С трудом поднявшись на ноги, Корвин подошел к столу, непрерывно бормоча:

– Вот это уже по-настоящему дерьмово!

Касаясь непослушными пальцами сенсоров управления, пошатываясь над креслом, Корвин вызвал меню управления автоматикой кабинета. Киборги-охранники остались на месте, а медик-диагност, утробно зашуршав пневматикой, принялся за оказание первой помощи пострадавшей.

Многочисленные щупальца оплели пациентку в кокон из пульсирующих жгутов. Чуткие датчики устанавливали степень повреждения и, впрыскивая наборы лечебных коктейлей, оказывали первую медицинскую помощь пострадавшей.

Получая мощную подпитку, организм девушки быстро справлялся с физическими повреждениями, и спустя час работы киба и активации двух дорогих наборов ускоренной регенерации в кабинете установился краткий миг тишины.

И пока киб приводил в исходное состояние внешний облик девушки, Корвин сидел за столом с лицом темнее звездной бездны.

Час назад в этих стенах было совершено насилие над сотрудником службы надзора, в результате чего Корвин превратился в нарушителя кодекса службы.

Каждый сотрудник службы надзора при исполнении служебных обязанностей имел право на неприкосновенность. И пока он был при исполнении, на него распространялся иммунитет, даже от Верных Псов Вождя, не говоря о младшем сыне тысячника рода Мер-Хан. Корвин умудрился вновь вляпаться в дурную историю.

Развалившись в кресле и закинув ноги на стол, напряженно покусывая губу, он все не мог разобраться в нагромождении скачущих мыслей. Сколько бы он ни пытался придумать изящный выход, везде наткнулся на стену. Очередная ловушка. Неведомый враг вновь переиграл его по всем статьям.

Когда диагност сообщил о содержании токсина в воздухе и в его крови, он в первую очередь подумал, что Зельма совсем сошла с ума и решила все-таки перейти к активным действиям по обращению на себя внимания. Он ведь давно ловил на себе ее внимательные взгляды и холодным пренебрежением пресекал все женские уловки. Потому как в выставленные напоказ эмоции он не верил ни на грамм. За всем этим стоял точный расчет.

Младший сын тысячника, лишенный власти и богатства, все равно оставался отпрыском знатного рода, и для амбициозной безродной это была лестница в небо. Став одной из рода Мер-Хан, честолюбивая Зельма открывала для своих амбиций новые горизонты. Зельма всячески старалась обратить на себя внимание своего шефа, и похоже... перестаралась. Или, наоборот, стала разменной пешкой таинственного врага?

Только что проведенный анализ показал отсутствие в крови девушки вещества, вызвавшего гормональный взрыв. А если это не она, тогда чей токсин?

Кстати, довольно хитрый оказался состав. Формула и гормональный коктейль были подобраны исключительно под физиологию жертвы. И организм Корвина не смог противиться такой изуверской провокации и со всего размаха втянул хозяина в ловушку.

Корвин потерял над собой контроль и зверски изнасиловал сотрудника службы при исполнении. И автоматически попал под действие карающего кодекса, избежать которого не позволит даже его родословная. Такие вещи в службе не приветствуются и пресекаются

самым решительным образом. За пределами стен и не в служебное время высокородный мог забавляться, как ему вздумается, но только не с теми, кто служит Стае.

И стоит лишь жертве явиться со свидетельством о свежей регенерации и заявлением, истинность которого подтвердит любой ментоскан, в канцелярию службы внутренней безопасности Ока, то на карьере можно смело ставить крест...

Его, конечно, не лишат должности, не станут выдвигать официального обвинения, но вот дальнейшего продвижения по службе ему не видать как собственных ушей. И сколько бы Корвин ни прикидывал в голове варианты, выход виделся только один. Договариваться.

С тихим щелчком клубок серых щупалец потерял монолитность и с мягким шелестом кокон распался на мягкие рукава.

На полу, среди обрывков одежды в бессознательном состоянии лежала голая девушка. Неестественная белизна еще хранила едва заметные прожилки шрамов, но от синяков и гематом не осталось и следа.

Покопавшись в шкафу, Корвин достал пакет с формой без знаков отличия и бросил у изголовья.

– Зельма, – прокашлялся Корвин от вдруг запершившего горла, – очнись...

Под затрепетавшими веками открылись зеленые глаза, наполненные болью и страданием. Спина выгнулась от судороги, а изо рта вырвался полу хрип:

– НЕТ!!! Не надо, прошу...

– Тихо, тихо, успокойся...

Корвин попытался было обнять девушку и успокоить, но та засучила ногами и забилась в угол.

Медицина заживила шрамы, восстановила работоспособность сосудов, вывела синяки, но психика ничего не забыла, и Зельма выла во весь голос, пока несколько щупалец киборга не расцвели иглами и в воздухе не запахло успокоительным.

Одевшись, Корвин уселся обратно в кресло и стал ждать. Спустя полчаса затихающих всхлипываний и шмыганья из-под стола выбралась Зельма.

Бледное лицо с нездоровым румянцем, плотно сжатые губы и пустой взгляд, за равнодушием которого проглядывал блеск стали.

– Кофе?

Не дожидаясь согласия дамы, Корвин поспешно коснулся панели управления и, пряча взгляд, лихорадочно пытался выработать схему поведения. Во взгляде Зельмы, словно раскаленный луч плазмы, проедающем дыру в теле, Корвин прочел приговор. Она его ненавидела. Она готова была его растерзать голыми руками. И в то же время в ней проснулась расчетливая и дальновидная стерва, которая видела выгоду в сложившейся ситуации. Борьба двух желаний терзала душу диким зверем, то отражаясь во взгляде желанием уничтожить, отомстить, то проясняясь до кристальной разумности, которая уговаривала успокоиться и извлечь выгоду.

– С молоком и двумя порциями фруктозы, – произнесла Зельма, откинувшись на спинку гостевого стула. Изуверский дизайн стула с коротким седлом и высокой спинкой не давал гостю долго рассиживаться, но девушка, даже в таком неудобном положении, смотрела на хозяина кабинета с вызовом.

Оставив без внимания эти вольности, Корвин только мысленно поставил зарубку на этом моменте и забрал свою чашку с возникшего на столе подъемника.

Делая обжигающий глоток, посмотрел на Зельму сквозь пар от напитка.

Умудряясь на неудобном сиденье расправить плечи и принять осанку, как высокородная, Зельма взяла чашку с хромированного подноса. Дождавшись, когда подъемник с шелестом скроется под глянцевой поверхностью столешницы, поставила чашку на стол.

– Не буду ходить вокруг да около, – рассматривая девушку, не отрывающую взгляда от черноты столешницы, Корвин с нажимом продолжил: – Сегодня произошло недоразумение, и мы оба оказались жертвами чьей-то игры. Я предлагаю это... этот момент жизни забыть и оставить без широкой огласки.

– Недоразумение?! – прошипела Зельма, вцепившись побелевшими пальцами в столешницу, поднимая на Корвина взгляд, наполненный болью от пережитого унижения. – Когда два часа тебя ненасытный маньяк превращает в отбивную... это высокородный называется недоразумением?! И после этого ужаса мне предлагается все просто забыть!?

Вглядываясь в глаза, где краснота полопавшихся сосудов рассасывалась под действием лечебных инъекций, Корвин спокойно ответил:

– Вы взрослый человек, Зельма. Давайте этот вопрос рассматривать не с точки зрения эмоций, а в деловой плоскости. Будем относиться к этому как случайности. Несчастному случаю на работе. Досадному недоразумению, в результате которого вы прошли процедуру внеочередного оздоровления организма.

– Действительно, тело залечено, следов почти не осталось. Что такого-то? – ядовитого сарказма в голосе Зельмы хватило бы на отлив памятника во весь рост. – Ну подумаешь, помучается кошмарами, не сможет еще год спокойно смотреть на мужчин. А что в душе творится и как с этим жить дальше, это уже никого не интересует. Это все мелочи... которые нужно рассматривать только с деловой точки зрения. Хотя...

Многозначительно помолчав, девушка успокоилась и заговорила деловым тоном.

– Ну что же, с деловой так с деловой. Тогда, высокородный группмастер, давайте оценивать ситуацию с практической точки зрения. В случае расследования Оком всего прошедшего будет установлена моя невиновность. Тогда, согласно параграфу четыре кодекса службы Надзора. Статьи двести... – Зельма скосила глаза на ручной хранитель. Повинуясь нервному импульсу, персональный имплантат ожил под касаниями пальцев. На сиянии проекции побежали строки справочной информации. – ...Статьи двести сорок шестой... сотрудник, при исполнении служебных обязанностей, пострадавший от неправомерных действий непосредственного руководителя, имеет право на возмещение физического...

– Нет необходимости цитировать статьи кодекса, – холодно перебил Корвин, – я прекрасно знаю их и без вас, супервизор Талау.

– Если вы знаете, тогда, уважаемый группмастер, не делайте из меня дуру. Регенерация была положена и без вашего вмешательства. И еще многое из списка, что вы будете обязаны мне предоставить. Я предлагаю сразу перейти к той части... Которую я не смогу получить по результатам расследования.

Поморщившись от грубой, но ясной формы изложения, Корвин хмыкнул.

– И что же вы хотите?

– За недоразумение?

– Ну, а за что же еще? – удивился Корвин.

– Например... за улики, которые моя группа добыла с места преступления. Ведь их цена значительно больше полагающихся премиальных. Я так думаю, что таинственный доброжелатель за нашу возможную рассеянность может быть очень и очень благодарен.

– Вы в своем уме, супервайзер?! – деланно возмутился Корвин, прожигая нахалку взглядом. Эта выскочка надумала покуситься на его, на ЕГО добычу!

– У нас же деловой разговор, господин группмастер, – отмахиваясь от попытки осадить, Зельма не отрывала хваткого взгляда от раздраженного шефа.

В другой бы раз она не то чтобы не осмелилась так разговаривать, она даже бы не посмела так думать в его присутствии.

– Поэтому мы и говорим исключительно в деловом русле.

– Вы забываетесь, Зельма. Результаты расследований это очень серьезно и не вашего ума дело, что там далее будет происходить с собранными материалами и уликами.

– Хорошо, – примирительно подняла руки Зельма, – оставим результаты расследования в сторонку. Тогда, группмастер, если уж быть совсем откровенной, давайте проясним наши позиции. Я прекрасно понимаю, что как сотрудник службы без принадлежности к высокому роду Стаи, мой потолок это супервайзер отдела. По социальному коэффициенту полезности мне не перепрыгнуть потолок, установленный Оком. В грубом приближении я достигла максимума. И сейчас произошло, как вы говорите, недоразумение, в результате которого я могу получить компенсацию от службы и уйти на пенсию по состоянию здоровья, с закреплением всех материальных благ ветерана. Или получить от виновника «недоразумения» выгодное деловое предложение, которое избавит кое-кого от черного пятна в личном деле и не даст споткнуться на карьерной лестнице...

Слушая рассуждения Зельмы, Корвин внешне каменел лицом, а внутренне аплодировал способностям девушки быстро ориентироваться и, отбросив эмоции, рассуждать логически, не клевать на «пустышки» и идти, даже интуитивно, к более выгодному предложению. Такая хватка была похвальна и в то же время настораживала. И часто он ловил себя на том, что если бы не видел отрицательных результатов сканирования киберлекаря, то подумал, что это искусная провокация. Но результаты сканирования были однозначны – в девушке не было следов токсина.

– И что же вы хотите, Зельма?

Запнувшись на полуслове, девушка словно натолкнулась на прозрачную преграду. Явно готовилась еще к нескольким раундам словесных кружев, хождений вокруг да около, а тут вопрос в лоб.

Внутренне решившись, Зельма с деланным равнодушием произнесла:

– В отделе вакантна должность официального заместителя группмастера, с самым большим после руководителя пакетом полномочий. Думаю, что мои способности и верность лично вам, делают меня идеальным кандидатом для этой должности.

Крякнув от неожиданности, Корвин вцепился в белую чашечку с остывшим кофе. Аппетит у Зельмы, конечно, хорош. Утверждение на эту должность мог пройти только младший высокородный, или безродный, но с официальным попечительством какого-либо именитого рода.

Теоретически, по кодексу, он мог заявить об официальном попечительстве над девушкой и утвердить ее своим замом. Но вот только заместитель обладает многими правами и полномочиями, которые подразумевают полную преданность руководителю. И такие заместители готовятся долго и тщательно, но в его случае особо выбирать не приходилось: или крест на карьере, или продать должность за молчание. Вот только нужно подстраховаться.

– Хорошо, Зельма. Я официально объявлю о взятии вас под опеку рода, – решительно хлопнув по столу ладонью, Корвин резко поднялся. Глядя в победно сияющие глаза, он добавил с многообещающей улыбкой: – Но только после прохождения одного... незаслуженно забытого обряда.

Глава 9

– ... вот же ведро с гайками!

Массивный шар навигационного модуля упал на ногу и с победным гулом укатился в темный угол консоли. Прошипев ругательство, молодой парень отбросил анализатор в сторону и в эмоциях хлопнул крышкой навигационного модуля.

Утробно пискнув, консоль укрывалась огоньками тестовых прогонов, и тут же разразилась тревожной трелью о проваленном перезапуске навигатора.

Едва сдерживая желание разнести рубку в приступе ярости, молодой человек в затертом до дыр пилотском комбинезоне лишь в очередной раз обессиленно хрюкнул и уткнулся лбом в холодный пол.

Тесная каморка навигационной рубки была усеяна черными шайбами. Поблескивая на свету искорками контактов, мозги звездного привода чернели на полу мертвыми тушками.

Его терпения хватило зачитать толстый талмуд инструкций до дыр. Стопятьсотмиллионный раз выполнить рекомендации с картинками для обезьян. Шестьсот девяносто девять сборок и разборок. Шестьсот девяносто восемь надежд умерло под ненавистную трель. И вот сейчас последняя. Семисотая надежда на то, как весело загудят стойки, как яхта вздрогнет маршевыми двигателями... медленно покатила в темноту. Звякнув о стенку, сыграла последнюю ноту в похоронном марше в честь четырёх месяцев двадцати восьми дней шести часов и сорока четырех минут заточения в мёртвом корабле посреди бездны подпространства!

– Нет, ну что за день, каждая железка норовит не просто из рук вывалиться, а засадить побольше, да поглубже... Чего тебе, Черныш?! Не видишь, занят я до усрачки, и некогда мне отвлекаться...

Сунувшаяся было в проем голова стального монстра только слышала о занятости двуногого, сразу же постаралась втиснуться в тесный отсек вместе с трехметровым телом. И в тесном кубрике, и без того ставшего определением тесноты, стало невозможно дышать.

– Ну и какого черта ты приперся?! Я же попросил, разомнитесь без меня. Всё, иди к Белке! Некогда мне, занят я, понимаешь?

Но два метра в холке только заинтересованно склонило голову набок и разглядывало забавного двуногого с интересом.

Демонстративно игнорируя нетерпеливый взгляд в спину и цокот переминавшихся в ожидании когтей, парень отвернулся от рогатого чудовища. Пока двух центнеров стали и нанотехнологий не стало двое, у него еще есть время попробовать еще один, последний разок пересобрать заново модули и перепроверить коммуникации шайб.

Но внутренне, отбросив все шутки-прибаутки, он уже был готов к любому исходу. Усталость от житья надеждой выпила все силы. И до этого дня он дошел только на упрямстве. Но, похоже, пришло время принять удар судьбы... открытым лицом. Наверное, он действительно исчерпал лимит везения и сейчас расплачивается за все свои тяжкие грехи. А как все здорово начиналось...

Молодой повеса, чье изображение не сходило с заставок светских медиаресурсов, был знаменит на всю Солнечную систему своими кутежами. Где бы он ни появлялся, служба контроля реальности переходила на круглосуточное дежурство. Силы быстрого реагирования, аварийные службы мегаполисов и орбитальных станций, подразделения корпораций, отвечающие за обслуживание людей в реальности, все начинали работать в авральном режиме, на износ, когда в их зону ответственности прибывал кортеж наследного главы корпорации «Марс».

Гуляка не утруждал себя участием в делах корпорации. И не был поклонником модного, почти что круглосуточного пребывания в вирте. Он, наоборот, больше ценил настоящие эмоции и ощущения.

И не стеснялся об этом заявлять открыто. Вскоре он превратился в символ нового, праздного образа жизни. Неограниченная финансовая поддержка, неутомимая фантазия и жажда новых впечатлений превратили наследника в синоним праздничных карнавалов и фейерверков. «Человек-порок, скандал и само попрание общепринятых норм, совращающее молодые сердца недостойным поведением!»

Но за ширмой молодого повесы никто не видел разрывающую изнутри боль.

После всего пережитого на Марсе и в «сраном» вирте, ему казалось, что все человеческое умерло на той войне, в той финальной битве, где он вывернул себя наизнанку и выплеснул кошмаром все до остатка. Медики и мозгокруты собрали его психику по кусочкам, склеили из фрагментов одно целое. И то только спустя несколько недель он смог вновь разговаривать с друзьями.

Израненный и опустошенный Косяк пытался восстановить душевное равновесие. Собрать себя воедино и стать, наконец, человеком, с улыбкой на губах шагающим по жизни.

Но вместо облегчения и радости Земля встретила похоронами деда, после которых стало совсем худо. И без того тяжелые отношения с родителями треснули окончательно. Родные стали ему еще более чужими. Он вырос без их внимания, и только старый генерал был для него тем мостом, что связывал с семьей. Теперь его не стало.

Семья для него теперь была пустым местом. Мать еще пыталась с ним поговорить, наладить контакт... Поздно, мама. Поздно. Твой сын умер на войне, так и не дождавшись материнской любви, а отвечает тебе уже чужой человек. Тот, кто повзрослел на потерях частиц души, кто уже привык рассчитывать только на себя и верных друзей.

События последнего месяца войны лишили его многого.

Затяжными праздниками он пытался вернуть себе утерянное. Казалось, что заполнив пустоту весельем, он станет прежним. Но шло время, а пустота лишь ширилась, а гулянка затягивалась.

И вскоре с Марса дали понять, что всему есть мера. И какой бы он ни был весь из себя заслуженный, важный и влиятельный, но если и дальше трудовые будни земных мегаполисов будут срываться из-за пьянонаркотических гудежей молодежи, то и на него найдут управу. Пора бы ему найти себе занятие на пользу общества.

Внушение подействовало. Особенно когда явились друзья, и Дыба целый час, с горящим взором и уверенностью в речи, вещал о славном и великом деле по становлению Ордена. А Череп намекнул, что если не изменить линию поведения, то можно угодить под отеческую заботу марсианского новообразования.

Косяк решил больше не искушать судьбу. И вспомнил о своей давней мечте. Путешествия. Бездонный космос, наполненный приключениями и невиданными открытиями.

Охваченный новой глобальной идеей, Косяк отдался новому увлечению всей душой. И обзавелся собранной по спецзаказу «ласточкой». Уникальным кораблем, построенным под заказ, со слоганом: «Только самое лучшее, самое новое, да побольше, побольше!»

«Ласточка» отличалась от сородичей почти вдвое большими размерами, и за внешним блеском и бисером фешенебельной обшивки космической яхты скрывалось оборудование, которого хватило бы на снаряжение целой экспедиции дальней разведки. Она могла прыгнуть в неизвестность дальше всех и всегда возвращалась с координатами нового мира, готового покориться шагнувшему к звездам человечеству.

Но в этот раз, похоже, девиз вышел боком. Последняя модернизация системы навигации, изрядно облегчившая счет, на поверку оказалась последней заклепкой в крышку стального гроба, в которую превратилась ультрасовременная яхта.

Теперь глава корпорации «Марс», главный понторез и любитель пускать пыль в глаза, ковыряется с отверткой в последнем «писке хайтека» и грязно ругает себя последними словами, и будет этим заниматься этим до скончания своей жизни. Долгой и сытой. Пока не сдохнут реакторы корабля...

Или выполнить еще один эксперимент. На себе любимом. Проверить в действии резервную копию экспериментальной установки, что сейчас заканчивала испытания на Лунной базе. Принцип действия установки, основанный на аномалиях пространственно-временного континуума, позволит существенно увеличить дальность прыжков кораблей дальней разведки – в теории. А на практике – выжило пять мартышек из семи. И ему предстоит стать первым из людей или третьей из мартышек...

Шарахнув ладонью по запуску, Косяк впился взглядом в утопленную клавишу. Зажегся красный индикатор отсутствия сигнала.

– Блин! По паяльнику в каждую дырку, козлу, тебя собравшему! По самую печень! Чтобы икалось всю жизнь уроду! Да чтобы от слова наука...

Прерывая тираду, в плечо ткнулась стальная голова. Подставляя рогатую черепашку под ласку, Черныш предлагал успокоиться и погладить его, а еще лучше – покинуть эту тесную конуру и пойти с ним в ангар, где Белка уже истосковалась в ожидании.

Вглядываясь в багрянец красных глазищ и вслушиваясь в тихое мурлыканье висевшего на груди передатчика, проецировавшего нехитрые эмоции искусственного разума напрямую в сознание, Косяк ухмыльнулся.

Кто бы мог подумать, что плоды неудачного эксперимента, да еще вселенные в туши боевых модулей, будут способны оказывать психотерапевтическую помощь... И окажутся единственными существами, с которыми ему предстоит провести последние дни жизни.

– Что бы я без вас делал? Давно бы уже свихнулся... – ласково погладив угольный лоб монстра, пилот едва успел увернуться от забившего по стенам хвоста. – Эй, эй! Потихе, чугунная харя, маши мослами!

На мгновение застыв, робот наклонил голову набок. Посылая набор мыслеобразов, выразил свое отношение к хрупкости биологической формы и удивление, мол, как такие слабые существа могли выжить в таком большом и опасном мире, а еще и победить в войне с «термитами».

– Это кто тут слабак?! Давно по заднице не получал? Ща как надеру всухую, даже не потея! Тоже мне, нашлись непобедимые... да таких, как вы, я пачками валил! Одной левой! А ну пошли, салабон, ща будешь искать пятый угол на арене!

Мгновенно подобравшись, два центнера угольной тени сорвались с места, и только цокот выдал направление бега товарища по несчастью.

«Хотя какое им несчастье», – подумал про себя Косяк, шагая по коридорам корабля и улавливая в груди затухающую вспышку мыслеобраза. Сейчас у шептунов, наоборот, самые счастливые дни настали.

Забавный двуногий, который всегда придумывает занимательные развлечения, уже третий месяц как проводит с ними большую часть времени, только если бы еще перестал прятаться в тесной каморке и не расстраивался так сильно из-за какого-то «ведра с микросхемами», они бы с Белкой были самыми счастливыми существами.

Заходя в ангар, специально выделенный для забав с роботами, человек улыбнулся двум фигурам, застывшим в центре поля. Не сводя с человека багряных взглядов, псевдопсы были двумя сжатыми пружинами.

Зеркальные фигуры бугрились мышцами из нанонаполнителя, лапы, увенчанные длинными когтями, нетерпеливо скребли бронированное покрытие палубы. Беспокойные щупальца гравитационных сканеров, что развевались на ветру, как львиная грива, сейчас

прижались к голове и туловищу, выдавая максимальную сосредоточенность шептунов перед схваткой.

Два силуэта оживших «кошмаров виртуальности» воплотились в телах трофейных «термитов». Принимая облик небывалых в природе существ, автономные боевые модули представляли собой переходный вид робототехники. В их телах отсутствовал скелет жесткого каркаса, его роль выполнялась энергетическими поля, подчинявшихся заданной информационной матрице. Такой принцип построения был весьма энергоемок, но зато позволял выстроить из внутреннего наполнителя любой заданный каркас, зеркальная шкура из высокоуглеродистой ткани легко окрашивалась в нужный цвет и принимала любую форму. А добавить к богатым возможностям трансформации еще замаскированное плазменное оружие на горбу позвоночника, когти из высокоуглеродистого материала, то «зверушки» превращались в идеального спутника по самым опасным местам вселенной.

Но не сейчас. Здесь предстоит учебный бой, необходимый виртуальным существам как воздух. Частые тренировки и активные действия нужны шептунам, чтобы полностью адаптироваться в «странной реальности», куда они попали, привязавшись к двуногому. Он появился в их сером мире как торнадо, привнес столько нового, столько изменений, что сразу же завоевал сердца бесхитростных существ. Но самое главное, он щедро разливал вокруг себя такую сладкую и невообразимо притягательную энергию эмоций, раз попробовав которую, существа привязались к нему как к ходячему наркотику...

– Та-ак, – протянул человек, сбрасывая куртку комбинезона, – я вижу, вся банда в сборе. Готовились?

Подойдя к шкафу, Косяк открыл верхнюю дверцу и достал нагрудник. Спаянный из нескольких броневых накладок панцирь служил неплохой защитой от заигравшихся шептунов, чьи когти могли расплосовать его на ремни.

Следующей парой щитков он защитил голень и бедра, а спустя несколько минут возни защитил все уязвимые части тела, оставив открытой только голову. Сколько ни старался, но приучить себя к шлему так и не смог.

С тихим шелестом на свет показались два клинка ослепительного блеска. Лишенные украшений и изысков две одинаковые катаны заискрились нетерпеливым блеском.

Вглядываясь в подарок главы корпорации «Тереньевские сплавы», Косяк лишний раз поблагодарил Семена Игнатьевича и парней из Ганибедской лаборатории. Эти умельцы сумели подобрать сплав металлов таким образом, чтобы «сестрички» не были слишком тяжелыми, но в то же время и не казались пушинками. Зато получившийся сплав не уступал в плотности знаменитым когтям «термитов», и не тупился, перерубая стальные прутья толщиной в палец.

Крутанув мечи, Косяк застыл в полуобороте. Привыкая к весу мечей, задышал по вдолбленной на Марсе методике. Вдох, медленный выдох, ощущение покоя, текущего по твоим венам. Свет проходит сквозь тело, и реальность превращается в легкий бриз, податливый твоим движениям. Ты часть мира, и мир в тебе...

– Папочка ждет вас, детки! Ответом была тишина.

Наученные горьким опытом, шептуны не бросались в необдуманную атаку, а впитывали бьющую из двуногого энергию азарта и напряжения предстоящей схватки маленькими глотками. Больше нельзя. Опьянеешь и тогда станешь легкой добычей и не попробуешь того обжигающе-терпкого привкуса, когда им удавалось зажать двуногого в углу. Ах какие это были ощущения, век бы пить не отрываясь...

Прижимая к полу рогатые головы, Черныш и Белка были готовы окунуться в игру, смысл которой им недавно объяснил двуногий. Коснуться когтями центра туловища, при этом чтобы другие части тела ни в коем случае не пострадали. Все просто и одновременно сложно.

Двуногий был очень верткий, и «шептунам» очень редко удавалось ощутить терпкий вкус его поражения. Самое главное, не поддаться пьянящим эмоциям и не упустить мгновение, когда он начнет перемещаться со скоростью, близкой к пределу реагирования оптических датчиков и сенсоров...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.